

Кризис Ж

Евгения
Батурина

Мне вообще кажется,
если у литературы и есть
какая-то миссия, то это —

давать надежду, пусть
маленькую.

И у тех героев она
будет. Правда, в самом
конце, но это как раз
нормально.

Евгения Анатольевна Батурина

Кризис Ж

Серия «Интересное время»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69985525

«Время»; 2023

ISBN 9785969124240

Аннотация

«Кризис Ж» Евгении Батуриной – продолжение ее романа «Выход А», в 2020 году попавшего в десятку лучших романов на русском языке по версии читателей LiveLib. И если в первой книге главная героиня Антонина Козлюк боролась с внешним миром, то ее так называемая сестра Жозефина в основном борется с миром внутренним.

Жозефина Козлюк живет успешной, яркой и насыщенной жизнью: успешно теряет людей, ярко переживает, насыщенно ревнует. И, как это бывает в любом кризисе, узнает много нового. Например, такое: любовь могут разрушить не только злая судьба, жестокие родители или третий лишний. Самостоятельно мы справляемся гораздо лучше!

Кто же поможет Жозефине – сестра Антонина, знаменитый художник, говорящие животные или революционные декабристы? Неожиданных поворотов сюжета здесь так же много, как закоулков и гостей в Нехорошей квартире, а юмора, шуток

и нелепых ситуаций – как круассанов, пирожков, страчателлы, чиабатты и...

И почему вы все еще читаете эту аннотацию, а не роман?!

Содержание

Предисловие от автора	7
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	43
Глава третья	63
Часть вторая	77
Глава первая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Евгения Батурина
Кризис Ж
Роман-продолжение

© Е. А. Батурина, 2023

© «Время», 2023

* * *

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Предисловие от автора

Редактор сказал, что если в книге есть эпилог, то нужен и пролог. Пролог не получился, получилось это.

Когда в поезде кто-то начинает чистить мандарин, об этом сразу узнает весь вагон. Поэтому люди, которые едят мандарины в поездах, кажутся мне честными и открытыми. У них нет секретов от мира, зато есть желание подарить ему новогоднее настроение. Вот и я решила ничего не скрывать. Вдруг вам совсем не надо читать мою книгу? Вдруг она вам не подходит? По-моему, лучше выяснить это на первой же странице, чем разочароваться на сто тридцать шестой, а к пятисотой всерьез обидеться на автора.

Итак, в этой книге нет следующего:

- Истории семьи через историю страны.

1861 год. Крестьянка Нюра Козлюк бежит через поле, потому что государь объявил волю. 1961 год. Ее правнучка Аннушка Козлюк бежит по Патриаршим домой, потому что объявили, что Советский Союз отправил в космос Гагарина. Наше время. Эмигрантка во втором поколении Энн Кац-Люк бежит по Центральному парку, потому что бегать очень полезно. Все это можно придумать и красиво описать, но – не мне. Я пишу о том, что видела и слышала сама. Вот видела

бы Гагарина – пожалуйста, а так... Революций, репрессий и прочих ревущих «ре» в книге тоже нет, разве что в пределах одной квартиры.

- Больших страдательных страданий. Люди жили и тужили, мучились сами и мучили своих детей, а потом, закоптив душу и небо, умерли от чего-то неприятного, всеми брошенные, в доме престарелых. И только их внуки, может быть, будут страдать меньше – если, конечно, им удастся побороть проклятие рода... Нет, спасибо. Чтобы безжалостно препарировать героев, наказывать их за грехи отцов и собственные грехи, нужно определенное авторское мужество. Мне героев жалко, я их люблю и не могу с ними так поступать.

- Подробных и натуралистичных описаний секса. Говорят, секс-сцены очень украшают повествование, особенно если в книге много говорится о любви – а у меня много. Я честно попыталась сочинить такую сцену, но работа застыла уже на этапе раздевания персонажей. Возможно, виной тому давняя травма: как-то я читала роман, в котором герой лез на верхнюю полку голый, а автор описывал все, что видел, снизу. Целую страницу описывал. И так украсил повествование, что дальше я читать не смогла, а название романа на всякий случай забыла.

- Детектива. Да, по ходу действия загадочным образом пропадают картина известного художника, два брюнета, один лысый, две женщины и две пачки масла. Да, среди персонажей есть и милая старая дева, и забавный иностранец, и

курающий трубку умный мужчина, и добрый доктор. Но все-таки это не детектив. У меня тут даже не умирает никто.

- Магического реализма. Но без пары говорящих животных не обошлось.
- Открытых финалов. Я все закрыла. Потому что за книгу села в 2020 году. Не бывает так, что магазины, кинотеатры, кафе закрыты, а финал нет.

Что здесь есть, хотя вы бы, может, предпочли, чтобы не было:

- Много кофе, чая и вина. Много выпечки, сыра и сосисок. И очень много салата оливье. Вообще, люди, которые уже прочитали книгу в неотредактированном виде, говорят, что после нее очень хочется есть.
- Четыре героини с именем Елена, четыре Анны и три Марии. Но что же делать, если в жизни имена у людей повторяются – даже у самых непохожих друг на друга людей? Зато есть Жозефина, Гойко, Оделия Львовна и четыре Йена.

Что в книге есть, и хорошо, что есть:

- Две новогодние елки (см. пункт «очень много оливье»).
- Добро, которое побеждает зло, – без кулаков. Хотя одна битва случится, причем международного уровня.
- Надежда. Мне вообще кажется, если у литературы и есть какая-то миссия, то это – давать надежду, пусть маленькую. И у моих героев она будет. Правда, в самом конце, но это

как раз нормально.

Часть первая

Глава первая Веселая Ж

Краснодар, 30 апреля 2016 года

Сестры бывают разные. Родные, двоюродные, троюродные. Старшие, младшие, средние. Сводные – причем как «полусестры» – half sisters, так и «недосестры» – step sisters. Есть английские «сестры в законе» – sisters-in-law, они же французские «красивые сестры» – belle sœurs, они же по-русски не так красиво – золовки и свояченицы. Есть сестры милосердия, сестры-евхаристки и даже сестры-хозяйки. Мне же досталась сестра Антонина.

Сестра Антонина на самом деле мне не сестра. Ни наполовину, никак: я единственный ребенок в семье. Мы познакомились девять месяцев назад, и то случайно. Зато все, что со мной произошло с тех пор, произошло из-за нее. Если бы не она, я бы сейчас жила себе спокойно в Москве, в Бутово, гладила кота, пиарила йогурты, пекла печенье и не думала ни о каких мужчинах. Вместо этого – встречаюсь с одним, люблю другого, в голове сумбур, на сердце рана, а сама я по-

чему-то в Краснодаре!

Глаза у сестры Антонины ненормально синие, особенно в трех случаях: когда наденет что-нибудь подходящего цвета, когда выпьет и когда жалеет себя. А сегодня она сорвала ультрамариновый джекпот – заказала третье пино гриджио, половину предыдущего пролив на ярко-голубое платье в горошек, и упоенно страдает. В общем, сейчас у меня стойкое ощущение, что мы с ней и правда сестры: так сильно раздражать могут только близкие родственники.

– Вино жалко, – причитает Антонина. – Холодное было и сухое.

– А платье тебе не жалко? – интересуюсь я. – Холодное и мокрое.

– С ним как раз ничего не случится, это чудо-платье. Я его купила года два назад на свадьбу Германа, нашего легендарного второгодника. Он всех своих одноклассников позвал, все составы... Только внезапно выяснилось, что Гера теперь не второгодник, а мэр маленького, но настоящего городка, и на его свадьбу надо надевать что-нибудь солидное – и в пол, а не в горошек. К тому же при ближайшем рассмотрении горошек мой оказался мелкими зайчиками. В общем, свадьбу я в итоге пропустила, а платье в зайчиков зато теперь везде таскаю. Оно не мнется, не пачкается и помещается даже в клатч. Это были все хорошие новости к этому часу.

И сестра Антонина вздохнула – ознаменовав переход к плохим новостям:

– А вот клатча у меня нет! И в Ялту мы, похоже, не едем.

Интересная штука жизнь – особенно после трех бокалов гарначи, которую я пью вместо пино гриджио. Год назад мы с сестрой Антониной даже не были знакомы. А теперь вот вместе не едем в Ялту.

– Гоша звонил из сервиса. И сказал, что машину не починят ни сегодня, ни завтра, – говорит Антонина с обидой. – Там ремень сломался.

– Какой ремень?

– Не знаю, водительский, пассажирский? – качает она головой и делает очень большой глоток.

Плохо. Видимо, речь о ремне ГРМ. И если он порвался, то от пассажирских ремней в ближайшее время толку никакого.

– Боря предлагает теперь всем вместе ехать в Сочи, – горестно продолжает Антонина. – А мама с Владимиром Леонидовичем – наоборот, в Анапу. А Гоша...

Но я перестаю слушать, потому что меня отшвыривает словом «Боря» к противоположной стене. А пока я не слушаю сестру Антонину, продолжая в такт кивать и даже вставлять правильные реплики, расскажу, кто мы такие и как оказались в Краснодаре.

Мы все из Москвы. Там живем и оттуда сейчас едем. Родились, правда, в разных местах, но для настоящих убежден-

ных москвичей это не важно. Здесь, в Краснодаре, у нас точка общего сбора. Планировалось, что завтра утром мы вместе позавтракаем и разъедемся кто куда. Антонина, ее бойфренд Гоша и я – в Ялту к друзьям. Антонинина мама и отчим с внуками – в Анапу. А Боря – в Сочи. Так мы хотели провести майские праздники.

Ну вот, теперь я сама сказала «Боря» – и меня отбросило уже даже не к стене, а вовсе в Воронеж.

В Воронеже я полюбила Бору. До этого полгода не могла полюбить, а там вот смогла.

Странно, конечно, что раньше не получалось. Бору любят все, кроме меня. Его бесчисленные друзья и бесчисленные девушки, а также кассиры, бизнесмены, таксисты, трюкисты, майнеры биткойнов, матери в декрете и отцы русского рока. И даже системные администраторы, что уж совсем невероятно.

Боря веселый, добрый и щедрый. Он весь контрастный, как стильная ч/б фотография. Черные волосы, черные глаза, черное пальто, черная машина – и белые рубашки, белые зубы, выразительные, будто гуманным шаржистом нарисованные, черты лица. Нос такой... заметный, ресницы, брови. И что-то всегда в руках – подарки, цветы, вино, а лучше шампанское, многообещающие на вид коробки и пакеты. Ну и роста в нем метра два. Мне как девушке высокой это важно почему-то.

Мы познакомились дома у Антонины в прошлом октяб-

ре. Боря приехал со своим лучшим другом Гошей в ее Нехорошую квартиру на Земляном Валу. Так мы все эту квартиру называем – а на самом деле она очень хорошая, там есть монументальный балкон, выходящий на Садовое, отдельный склеп для кастрюль и столько комнат, сколько нужно людям, случайно прибившимся к этому славному берегу. Боря влюбился в меня с порога Нехорошей квартиры. Я обычно не замечаю таких вещей, но он правда сходу остолбенел. А когда перед тобой столбенеет двухметровая статуя, это очень красиво и очень заметно. Боря отдал тогда Гоше миллион пакетов еды, Антонине – букет лиловых тюльпанов, моргнул, развернулся и исчез. Вернулся с новым букетом – кудрявых пепельных роз. А я люблю розы, особенно кудрявые, тем более пепельные.

Мы пошли на монументальный балкон – чтобы покурить и оставить Антонину с Гошей наедине, они тогда только-только начали встречаться. Я вообще-то не курю, но мы хотели быть вежливыми. Роняли пепел на Садовое, говорили о детстве, Боря закрывал меня от ветра – собой. После чего позвал в Большой театр. И я пошла. И еще раз пошла, и еще, в разные театры. Наряжалась каждый раз – для него хотелось наряжаться. Как-то мы приехали после спектакля в «Фоменко» ко мне домой, на Шаболовку и... Боря ничего особенного не делал – ну, чуть задержал руки на моих плечах, когда помог снять цепочку, душившую меня весь спектакль. Но в тот момент я оценила перспективы и поняла: на-

до либо остаться с ним навсегда, а особенно сегодня, либо не морочить человеку голову. Остаться не хотела, потому что не была достаточно влюблена. А просто переспать – ну не знаю, не Борин это масштаб. В общем, я отказала ему тогда – мягко отвела его руки. Он расстроился, покачал головой, выкурил четыре сигареты. Но не ушел, съел испеченный мной для него пирог с рыбой, лег на столетнем диване в углу, вытянув ноги в сторону Донского монастыря, а утром повел меня завтракать в оладийную и потом продолжал со мной дружить что есть сил.

На Новый год Боря уехал в Израиль к родителям, а я утром 1 января проснулась в Нехорошей квартире на другом столетнем диване, и не одна – с бывшим парнем Антонины, Антоном. У них была долгая, сложная и вроде бы завершенная история, из-за него сестра чуть не рассталась с Гошей, но вовремя образумилась. Антон симпатичный парень, и умный, и с ним можно часами лежать в постели и говорить о работе или книжках, а потом не видеться недели две: он корреспондент на ТВ, часто ездит в командировки. Мы стали встречаться как-то легко и вполсилы, но на всякий случай втайне от Антонины – оба боялись ей рассказывать. Теперь она уже знает о нас. Догадалась случайно, поначалу действительно устроила истерику, потом успокоилась. Пришла однажды, села рядом, насупилась и произнесла отрепетированное: «Прости, я странно отреагировала на вас с Антоном, давайте все уже дружить и обниматься».

Эх, сестра Антонина, знала бы ты, как «странно» отреагировал Боря!

– Серьезно? – заорал он, когда я рассказала ему об Антоне где-то в районе 8 Марта. – *Этот* Антон? Да что с вами такое, сестрички Козлюк? Обе, ну блин!.. Обязательный обряд инициации или генетическая травма?

– Генетической эта травма быть не может, – отвечала я, пока Боря курил сто сорок сигарет одну за другой. – Мы не настоящие сестры, хоть и обе определенно Козлюк.

Но Боря впервые меня не слушал и не внимал моим доводам, а только втянул кило никотина, потер нос и сказал:

– Ну ок, горько. Со мной ты, значит, не можешь, а с ним можешь.

Больше он не орал, не удивлялся и ни в чем меня не обвинял. Только девушку нашел в баре, Ксению.

Он быстро ввел ее в нашу компанию, и мы с сестрой Антониной честно пытались Ксению принять и полюбить. Но однажды она при мне – Боря этого не видел – резко отчитала пожилого дядечку-курьера, потому что тот назвал ее дочкой (сексизм и эйджизм) и попытался оправдаться и доказать, что у него заказ на 20:00, а не на 19:30 (газлайтинг и менсплейнинг). И я поняла: не полюблю ее никогда, это самодовольное благополучное дитя, взращенное папой Инстаграмом¹ и мамой Популярной Психологией. «Я думаю, надо

¹ Социальная сеть Instagram запрещена в России. В дальнейшем упоминания отмечены надстрочным знаком *.

всегда выбирать себя», – серьезно заявляла она, хотя в жизни не стояла перед таким выбором, и добавляла: «Быть удобной не значит быть счастливой!»

– Мир так сложен и к тому же мне должен! – изобразила Ксению Инстаграмовну* сестра Антонина. – Вот я тоже против сексизма и газлайтинга, только настоящих, а не вообразаемых.

– Ну да, Ксения целыми днями на одной ноте воеет: «Волки!» И перерыв делает только на кофе без кофеина, который ей, конечно же, кто-нибудь обязан принести, иначе трагедия, – поддержала я сестру. Не любить кого-то неприятного лучше в компании, чем в одиночку.

Ксения должна была поехать в Сочи с Борей. Но в очередной раз на что-то страшно обиделась (то ли он обесценил ее чувства, то ли не лайкнул фоточку) и осталась в Москве. А я как раз продала машину и скучала по маленькому моему лысенькому опелю по имени Ося, и Антон еще уехал в командировку в Оман, так что сестра Антонина позвала меня присоединиться к их большому южному походу.

Моститься на заднем сиденье Гошиного мустанга мне было бы неудобно: я же не хомячок, а женщина ростом 176 см. В общем, демарш Ксении оказался кстати, и я поехала с Борей в его черном мерседесе, седане Е 350 2012 года. Договорились, что я в Краснодаре обращусь в хомячка и пересяду к Антонине с Гошей, а Боря покатит себе спокойно в Сочи один. Все были согласны и довольны. Кто ж знал, что в Во-

ронеже я его люблю!

Воронеж был первым значимым пунктом нашего путешествия. А еще это родина Бори и Гоши – они жили в соседних подъездах и дружили с детского сада. Город мне понравился. Там, наверное, хорошо было расти: широкие улицы, много домов с башенками, несколько театров, люди спокойные и интеллигентные, весна относительно ранняя. Боря и Гоша ходили в инновационную школу, которые в 1990-е начали появляться по всему бывшему Союзу. Их классного руководителя звали Байрон, он вел английский язык.

Мы сидели в старой квартирке их друга и одноклассника – кажется, Петра или Павла, Боря с Гошей рассказывали о своем детстве, а я нашла за тахтой древнюю гитару в полустершихся наклейках и попыталась ее настроить. Тут оказалось, что у гитары не хватает одной струны. И что учитель Байрон недавно умер.

– А Байрон умер, – сказал Петропавел. – Скончался от онкологии в январе.

Вот тогда я посмотрела на Борю и влюбилась. Как будто потерянная гитарная струна вдруг нашлась и пронзила насквозь мое сердце. Может, у них традиция такая в городе Воронеже, не знаю.

– Ого, – произнес Боря речь на смерть Байрона, и я заметила, какой он красивый.

Возможно, тогда я впервые увидела его по-настоящему

серьезным. Не веселым и жизнерадостным, как большую часть времени. Не расстроенным или злым, как когда я его расстраивала или злила, – а серьезным. Лицо его разгладилось и будто приняло задуманные природой очертания. Не такой уж у него большой нос – подумалось мне. А глаза какие невообразимо черные. И умные, господи. И как он голову наклоняет чуть вправо, когда сосредоточен, и как щетина легкой тенью лежит на щеках, и как кулак постукивает по хорошо очерченному подбородку. Да он идеальный человек.

А тут Боря еще и заговорил:

– Байрон был лучшим учителем. Он мог любого человека научить английскому, но не это в нем главное. Он всегда и со всеми был вежлив, называл нас на «вы», обращался как с равными, но без фальши, без популистских акций. Его безмерно уважали, к нему шли за советом, ему доверяли тайны. Он был добр, причем деятельно добр, и равнодушен. Когда я пропустил полгода, он занимался со мной вечерами бесплатно, да еще и кормил: помню эту жареную курицу...

Он не повышал голоса, кажется, никогда, и я только один раз в жизни видел, как Байрон потерял терпение. Наша староста Вера Маслова, девица довольно вздорная, вдруг посреди урока начала выговаривать Байрону за то, что он полчаса рассказывал, как американцы празднуют Хеллоуин, День благодарения и Рождество, а не готовил нас к выпускному экзамену. Байрон осекся, покраснел и вышел из класса. Но через пять минут вернулся и спокойно продолжил урок...

Он действительно не готовил нас специально к экзаменам. Только вот мы их сдавали лучше всех в городе. А на уроках играли в «Государство», например. У каждого была своя должность: я был министром финансов, он вот (Боря кивнул на Гошу) – вообще президентом. Выпускали газеты и журналы. Даже вели телепередачи. У нас в школе была своя телестудия, обычно там директор выступал раз в год и зарядку по утрам показывали, а Байрон нам рассказывал, как снимают настоящие ток-шоу, и мы сделали несколько программ. Потом играли в книжный магазин – кто-то был продавцом, кто-то издателем, кто-то поставщиком бумаги, кто-то работал в типографии. Выводили магазин на самоокупаемость, попутно изучая, как устроена экономика малых предприятий. И все это, конечно, на английском языке. Какие там Бóрис и Лина из советского учебника! Какая, к черту, семейка Стоговых, проживающая на «Револьютсии проспект-стрит»! У нас была настоящая жизнь, не то что у них. Это Байрон как-то оставил нас (снова кивок в сторону Гоши) после уроков и спросил, правда ли мы хотим поступать в пед, как почти весь класс. «Вы уверены, Боря, что педагогика – ваше призвание?» – так и слышу его голос. Мы тогда подумали-подумали и поехали в Москву, в ИСАА... Звонили ему после каждого экзамена: сначала ему, потом родителям. И он был так счастлив, когда мы поступили...

Боря замолчал и опустил голову, мы какое-то время сидели в полной тишине.

– Педагогика была его призванием, – продолжил он. – Он легко удерживал внимание тридцати подростков по шесть часов подряд. Мы же на инязе учились, английский был каждый день, кроме вторника, а в понедельник – сразу три пары. Мне кажется, Байрон мог бы стать руководителем любого уровня, народ за собой повести, революцию возглавить. Ну или хотя бы вести курс в университете. Но он был простым учителем, даже не завучем. И при нас, и еще много лет после нас. Он всегда был. А теперь его нет.

Вам знакомо желание немедленно оживить Байрона? А сказать другу, которого полгода старательно убеждала в своих исключительно дружеских намерениях, что теперь он самый красивый человек на земле? Сложное чувство, комплексное. Оно обрушилось на меня и не отпускало до самого Краснодара. Я говорила с Борей, слушала его, смотрела на него и думала об этом, пока он подпевал радио «Мелодия. Бобров» (мелодия бобров? что?).

По пути выяснилась пара любопытных деталей. Например, Боря, когда собирается ехать на машине задним ходом, не по зеркалам ориентируется, а кладет руку на спинку пассажирского сиденья и смотрит назад, как американцы. Раньше я этого не замечала. А теперь от этой его руки каждый раз шел нестерпимый жар. И казалось, что Боря хочет меня обнять, и приходилось сдерживаться, чтобы не броситься ему стремительно на шею через коробку передач.

Или вот еще: Боря может заснуть в любой момент в любом положении. Проспать пять минут и снова, бодрым и довольным, помчаться дальше. Он это отлично контролирует, и в дороге в том числе. Поэтому где-то в районе Каюковки он вдруг съехал аккуратно к обочине, сказал мне: «Прости, я немножко устал», откинул голову назад и уснул. Я хотела было предложить сменить его за рулем – все-таки у меня водительский стаж восемь лет и ни одной аварии, но он уже не слышал, спал. И спящим казался еще красивее, что странно: ведь у него удивительные глаза... Загадка! Через пять минут Боря уже несся по трассе, напевая: «Каюковка, Каюковка, мы встретились в Каюковке», а я только хвалила себя за то, что не стала будить его, например, поцелуем.

В общем, под Воронежем я была безнадежно влюблена. А в Ростове, где мы ночевали, вспомнила о существовании Ксении и немного Антона, устыдилась и наговорила сестре Антонине лишнего, безостановочно болтая о Боре за ужином. На следующий день, проезжая указатель на поселок Веселая Жизнь, загрустила: собственный поворот к радости я явно пропустила полгода назад.

В Краснодаре, куда мы с Борей приехали довольно рано, я решила на важный разговор. Момент был удобным: мы обогнали всю процессию, заехали в кафе пообедать, громадине мерседесу нашлось роскошное место на парковке, а Боря заказал борщ и поэтому был в отличном настроении.

«Надо поговорить. Мне надо с тобой поговорить. Нам на-

до поговорить, потому что...» – репетировала я.

Принесли борщ.

И я спросила Борю:

– А кстати, какой у тебя рост?

Он улыбнулся – так, будто сейчас ответит: «Никакого», но сказал:

– Сто девяносто три.

– Тебе этот вопрос часто задают? – догадалась я.

– С детского сада, – снова улыбнулся он. – А что?

Ничего, это мой любимый рост. А нам надо поговорить.

– Я бы... Нам бы ... – начала я хрипло, и тут у Бори зазвонил телефон.

Это был его лучший друг Гоша, который вместе с моей сестрой Антониной застрял в Краснодарском крае, потому что у них сломалась машина. Что иронично – у поселка Веселая Жизнь.

– Беда, – сказал Боря, отложил с сожалением ложку и встал во все свои 193. – Надо ехать.

– Доешь борщ! – строго приказала я.

Это было все, что я тогда имела право сказать.

Боря послушно съел почти весь борщ. Потом оставил меня гулять по солнечному Краснодару, поехал за Гошей и Антониной, привез их самих и их мустанг на прицепе. И вот они с Гошей отправились в элитный краснодарский автосервис выяснять подробности, а мы с Антониной пошли пить белое и красное вино на улице Красной.

И сейчас ее волнует только одно: как же она теперь, бедненькая, попадет без машины в Ялту. Когда у меня жизнь рушится, а Боря завтра уезжает в Сочи.

– Жозефина! – услышала я. – Жозефина Геннадьевна!

Ах да. Жозефина Геннадьевна Козлюк – это я. Приятно познакомиться.

– Сестра Ж.! – сказала сестра Антонина. – Вам с Борей надо поговорить.

Краснодар, гостиница, 30 апреля, позже вечером

– Продикуй, пожалуйста, свои паспортные данные, – попросил меня Гоша.

Мы только что вернулись после ужина в отель и зашли к ним с Антониной в номер. Гоша хотел купить нам троим билеты на самолет в Симферополь – на завтра. Оттуда до Ялты мы собирались взять такси. Боря жил этажом выше и попрощался с нами в лифте. Пока Гоша искал варианты, сидя за столом с ноутбуком, сестра Антонина безуспешно делала мне страшное лицо. «Иди поговори с Борей!» – кричало это лицо. Два часа назад то же самое говорила сама Антонина, вслух. А я вяло отнекивалась. В самом буквальном смысле – повторяла «нет», без объяснений. Не было у меня аргументов, кроме «ничего из этого все равно не выйдет, пусть мирится с Ксенией, женится на ней, заводит сто одинаковых детей и выкладывает их в инстаграм*».

– Еще раз, – сказал Гоша. – Серия 46 06, номер повтори.

– 666... – начала я, и тут в дверь громко постучали.

Сестра Антонина сорвалась с места, как годовалый щенок, и побежала открывать.

– Наверное, горничная, – предположила я и села на кровать. – Или террористы. Или черт.

– 666, – ровным голосом подбадривал меня Гоша. – Дальше?

– Дальше – тишина! – радостно возвестил Боря, поставив на стол картонку с четырьмя стаканчиками кофе и торт «Наполеон» размером с Францию.

Из-за спины у него выглядывала сияющая Антонина, в руках держала, будто кубок, вазочку с клубникой.

– Без меня кофе пить собрались, совсем с ума сошли, – укорил Боря и протянул мне один из стаканчиков. – На, это кортадо. Двигайся, давай.

И приобнял меня слегка, бережно так, чтобы я, двигаясь, не свалилась с кровати. Сел рядом. Мне стало жарко – хотя до этого я дважды просила Гошу выключить или хотя бы убавить кондиционер.

– Кор-ртадо! – произнесла Антонина с максимально испанским акцентом. – Как ты его только нашел в Краснодаре в десять вечера?

– О, и «Наполеон», кажется, домашний, – заметил Гоша. – Где взял?

– У Зинаиды, – пожал плечами Боря. – Позвонил, мне быстренько сделали и привезли.

– Быстренько, – фыркнула Антонина. – Тебе явно не знакома технология производства «Наполеонов».

– А тебе явно не знакома Зинаида, – парировал Боря. Но уточнять ничего не стал.

Впрочем, мы все давно привыкли, что в каждом городе у Бори по зинаиде, и все они творят какие-нибудь гастрономические чудеса.

– Клубнику, которую Зинаида быстренько вырастила, на «Наполеон» выкладывать? – спросила Антонина деловито.

– Конечно! – кивнул Боря. – Правильный «Наполеон» должен быть с клубникой.

– И с миндальными лепестками, – добавил неожиданно Гоша. – Блин, сайт завис. Придется заново все данные вводить.

– Миндальные лепестки у меня в куртке поищи, – крикнул Боря Антонине в коридор.

– Нашла! – тут же отозвалась она. – И нож тоже нашла, порежу клубнику. Жозефина Геннадьевна, иди сюда, поможешь.

Я вздохнула, встала, отделилась от Бори. Сделала глоток кофе. Божественно, конечно.

– Чей же это хитрый план? – спросила я сестру Антонину шепотом, пока она совершенно не подозрительно заталкивала меня в ванную.

– Мой! – скомандовала она и сунула мне клубнику. – Клубнику мой. И воду погромче включи.

– Я понимаю, что ты делаешь, – вздохнула я. – Борю позвала. Купидонишь.

Когда-то я так же скупидонила их с Гошей. Они тогда расстались и никак не могли сойтись обратно, потому что тупили. Я пригласила Антонину на вечеринку, не сказав, что это Гошин день рождения (придумала Великий праздник водружения люстры, сестру это совершенно не смутило), и вот теперь эти двое счастливо едут в Ялту через Симферополь.

– Прости, но... – сказала сестра Антонина, пряча глаза, – ты не могла бы не ездить с нами? Понимаешь, мне работу в Москве предложили, а у Гоши ребенок в Питер переезжает. После майских праздников нам всем этим придется заниматься, и видеться будем редко. Сейчас, получается, последний шанс. А вдвоем или втроем гулять по Ялте – это разный формат...

Вот так вот. Сестра Антонина, оказывается, вовсе не обо мне заботилась. Просто хочет сбросить по-быстрому балласт в Краснодаре.

– Понимаю. Значит, Борю не ты позвала? – спросила я, изо всех сил пытаюсь скрыть разочарование.

– Нет, – виновато улыбнулась Антонина. – Ты же сказала, что не хочешь с ним говорить. Я уважаю твое решение.

А особенно уважаешь свое право на личную жизнь и личное пространство. Ну что ж, я же говорила: мы не настоящие сестры.

– Ладно, – сказала я. – Не вопрос. Поеду тогда завтра в

Москву. Если билет найду...

– Прости, – повторила она. – Я тебе из Ялты что-нибудь привезу!

И упорхнула, взяв вымытую мной клубнику.

Я оттерла клубничный сок с рук, трижды их намылила. Меньше всего мне сейчас хотелось возвращаться к честной компании с их «Наполеоном». Я вообще не ем вечерами торты, если уж начистоту. И догадываюсь, что сестру Антонину, обожающую слопать бутерброд-другой в районе полуночи, это раздражает: всегда обидно, когда у кого-то сила воли крепче, чем у тебя.

– Говорят, теперь тебе нужен билет в Москву? – спросил спокойно Гоша, когда я все-таки вытащила себя из ванной. – Я поищу. На какое время? Ближе к вечеру?

И снова уткнулся в ноутбук. Антонина стояла ко мне спиной – раскладывала клубнику по «Наполеону», молчала. Боря пил кофе и смотрел в телефон – судя по лицу, отвечал что-то по работе. Или умолял Ксению себя простить. Сосредоточенное у него, в общем, было лицо, и красивое.

– Из Краснодара в Москву на завтра билетов нет, – сообщил Гоша. – Есть из Сочи на послезавтра.

– Там аэропорт больше, – блеснула знаниями спина Антонины.

Терпеть не могу, когда человек, чувствуящий за собой вину, пытается сделать вид, что все в порядке, и поддерживать разговоры ни о чем.

– Ну что, брать из Сочи? – снова вступил Гоша. – Удобный рейс, шестнадцать тридцать. Риббентроп, довезешь девушку?

Риббентроп – это детское прозвище Бори. Такое вот у них в Воронеже было детство.

– А? – оторвался Боря от телефона. – Какую девушку?

– Вон ту, – махнула Антонинина рука в мою сторону. – Моя сестра хочет в Москву.

– Работать и работать? – пошутил Боря. – Довезу, конечно.

Тут я поняла, что ни слова ему не сказала после «доешь борщ» сегодня днем. А человек мне, между прочим, любимый кофе принес.

– Спасибо, – выдавила я. – За кофе. Я его в ванной забыла.

Боря посмотрел на меня странно, отсутствующе, моргнул и вернулся в телефон. Явно ссорился с Ксенией – или даже мирился.

Гоша купил, наконец, все билеты. Мы сели допивать кофе с «Наполеоном» от Зинаиды (мне пришлось попробовать, чтоб никто не вопил). Боря предлагал утром пойти завтракать в Зинаидино кафе – там у них, по слухам, пекли бельгийские вафли. Сестра Антонина умоляла всех проснуться попозже, хотя бы в одиннадцать: она всегда отчаянно отстаивает права сов. Я сидела далеко от Бори, в кресле, и с трудом следила за ходом беседы, зато видела, что он регулярно и невесело поглядывает в телефон. Мне было его жалко, и

одновременно хотелось отобрать у него телефон и эффектно выбросить его в окно.

– Тебя проводить? – спросил Боря вдруг.

– Ну да, – не поняла я. – Договорились же. До Сочи.

Все засмеялись – в том числе предательница Антонина. Оказалось, что уже пора расходиться, и мы с Борей идем спать (ох, хотелось бы другого значения этой фразы!), а проводить он меня предлагал до номера.

– Я живу в двадцати метрах отсюда, – буркнула я. – Как-нибудь дойду.

Боря на грубость не обиделся, просто попрощался и пошел к себе. Я долго завязывала в коридоре шнурки на кедах. Надо мной возвышалась сестра Антонина и ждала, когда же я уйду.

Краснодар, 1 мая, после одиннадцати утра

Завтрак получился шумным: пришли мы четверо, а еще мама Антонины, сын Антонины, муж мамы Антонины и внук мужа мамы Антонины (даже не пробуйте сейчас в этом разобраться). Все мы долго читали длинное меню, полное вафель, и пытались разместиться за двумя крошечными столиками. Детей в итоге усадили на разноцветные пуфики, которые Зинаида, крепкая и суровая женщина в бусах, приволокла из соседнего мебельного магазина.

– Кафе называется «Вафли», а надо было назвать «Вафли-вафли-вафли», – вздыхала сестра Антонина, изобра-

жая, что ничего вчера не произошло. – Тут есть вафли с прошутто, салатом «цезарь», омлетом, лимонным курдом и сельдереевым пюре. Сельдереевым! Пюре!

– Еще из кукурузной муки есть, – безжалостно отвечала я. Пусть помучается.

– Я хочу просто со взбитыми сливками, – Антонина закрыла меню, обессилев.

– Взобьем, – коротко ответила выросшая из ниоткуда строгая Зинаида, качнула бусами и исчезла.

После завтрака все долго и шумно прощались у кафе. Мама Антонины с мужем и мальчиками торопились в Анапу – там их ждала какая-то стройка во главе с названивавшим без конца прорабом Магомедом.

– И Магомед, прораб его, – сказала сестра Антонина, и я бы засмеялась, не будь на нее зла.

Ее мама, в очередной раз пообщавшись с Магомедом, усадила всех своих мужчин в синюю шкоду, чмокнула Антонину в нос, села за руль и отбыла в Анапу.

Антонина стояла и смотрела беспомощно вслед шкоде.

– Я уже скучаю, – сказала она. – И по маме, и по ребенку.

Сама я обычно скучаю по людям, пока они еще никуда не уехали. Особенно невыносимо наблюдать чьи-то сборы: в этот момент ясно, что вы четко делитесь на два лагеря, уезжающих и остающихся. Всегда стараюсь сбежать, как только кто-нибудь открывает чемодан.

Вернулся Боря – он ходил курить с Зинаидой. С ним она,

конечно, была отнюдь не сурова, хохотала и кокетливо крутила бусы на шее. Гоша сделал шаг к Антонине и сказал, что им тоже пора. Боря еще раз предложил подвезти их до аэропорта, но эти двое ненормальных хотели ехать туда на троллейбусе. Наверное, чтобы поскорее и подольше остаться наедине.

Мы нашли троллейбусную остановку, дождались, когда к ней подъедет, скрипя и накреняясь, здоровенная железная коробка с рогами. Сестра Антонина без предупреждения обняла меня, и в эту секунду я поняла, что уже тоскую по ней. Как бы ни обижалась, как бы ни злилась, как бы часто ни повторяла, что мы ненастоящие сестры.

– Хорошей вам дороги в Сочи, – шепнула Антонина, и они с Гошей и двумя рюкзаками исчезли за дребезжащими троллейбусными дверями.

Я стояла опустив руки, смотрела, как сестра машет мне поверх грязного квадратика с цифрой 7 – номером маршрута.

Троллейбус уезжал, а я потихоньку все понимала. «Хорошей вам дороги в Сочи», – сказала она. И еще: «Не надо с нами в Ялту». «Билетов из Краснодара нет», – сказал Гоша.

Я достала телефон, написала Антонине: «Так это все-таки ты вчера позвала Борю?»

Ответ пришел сразу: «Не!» И следом другое сообщение: «Его позвал Гоша»))))).

Моя сестра и ее бойфренд хотели остаться вдвоем – а еще

оставить вдвоем нас с Борей. Они дали мне шанс. Беда в том, что я понятия не имела, как им воспользоваться.

– Ну, у нас впереди целый день, – объявил Боря, будто подслушав мои мысли. – Поехали, девушка, которой надо в Москву!

И посмотрел на меня – так, что я четко поняла: он абсолютно, ни капельки больше в меня не влюблен.

Дагомыс – Сочи, 1 мая, вечер

Эта мысль обдала меня кипятком и мучила, изводила всю дорогу до Сочи. Он. В меня. Больше. Не влюблен.

Так просто – почему мне это раньше в голову не пришло. Пока мы с Борей ехали из Воронежа в Ростов и из Ростова в Краснодар, я, внезапно прозревшая и оглушенная, конечно, страдала от любви – но все-таки страдания были замешаны на надежде. Даже не надежде, а тайном знании, уверенности. Все время, что мы были знакомы, я чувствовала, что Боря меня любит. Что эти конкретные два метра – навеки мои, гарантированно, бесповоротно, как полученная по дарственной квартира. И стоит мне сделать маленький шаг, да просто развернуться к Боре, – и он подхватит меня на руки и унесет во дворец, где играют свирели. Я не видела настоящей угрозы в Ксении: предполагала, что всю историю с ней он затеял, чтобы отвлечься от меня. Одного я не учла – чувства проходят. Сами по себе, без участия Ксении или кого-то еще, умирают или трансформируются в безопасный

и мирный свой аналог. Был влюблен – стал другом. Как я и хотела.

Я вспомнила момент, когда должна была это понять. Мы собирались с Борей в театр. Был апрель, в МХТ поставили «Макбета», а на работе у меня творился апокалипсис. Договорились, что Боря заедет за мной в офис – так я усилием воли отодвину все дела и конец света, спущусь в лобби и, может быть, не опоздаю на спектакль.

– Вас ожидает шпиц, – сказала девушка с ресепшен, позвонив мне очень не вовремя: я ругалась с толпой народу в разных мессенджерах.

– Какой на фиг шпиц! – крикнула я. – Нужен же вест-хайленд.

Наш рекламный отдел снимал тогда ролик про йогурт, который я пиарю, и в съемках должен был участвовать беленький пес породы вест-хайленд-уайт-терьер. Зарезервированная агентством собака заболела, а нового актера найти не могли, и весь наш этаж только об этом и говорил. Я ждала новостей, и тут вдруг, получается, привезли шпица вместо вест-хайленд-уайт-не-могли-покороче-породу-назвать-терьера.

– Шпиц мне не нужен! – рявкнула я еще раз в трубку.

– Но он здесь. Шпиц Борис Натанович, – пролепетала бедняжка с ресепшен.

Так я узнала Борину фамилию. Раньше не догадалась как-то спросить.

Я вышла к нему и, сгибаясь пополам от смеха, рассказала всю историю.

– А я успел смириться с тем, что тебе не нужен. Даша была в этом уверена, – он уже, конечно, был накоротке с ресепшенисткой Дашей.

– Ну что ты, ты мне всегда нужен, – сказала я, смеясь, и взяла его привычно, по-хозяйски, под руку – чтобы идти в театр.

И почувствовала, что рука его на секунду одеревенела – так, будто ему неприятно было мое прикосновение. Я думала, показалось. На всякий случай не трогала его какое-то время: обычно-то он человек довольно обнимабельный, но мало ли – и я сама не люблю, когда хватают за разные части тела без предупреждения. А Боря после того раза вел себя как всегда – приобнимал при встрече и прощании, подавал руку, опирался о меня иногда. Он высокий и часто облакачивается о маленьких людишек, по-дружески.

Но нет, не показалось мне тогда ничего. Он перестал воспринимать меня как женщину. И в театр больше не звал. И в гости ни разу не заехал. И когда выяснилось, что вместо Ксении в машине с ним еду я, спокойно это воспринял, без эмоций, кивнул только. И за всю дорогу ни разу не дал мне повода думать, что я для него кто-то больший, чем друг. Кортадо вот вчера принес – но он и Антонине, и Гоше принес капучино, который они любят. А сам пил американо, как всегда. Пил американо и уже не любил меня...

– Эй, не грусти, – услышала я Борин голос. – Дагомыс проезжаем, это почти Сочи.

А я с ужасом поняла, что сейчас зарыдаю. От Краснодара до Дагомыса еще как-то держалась и в Туапсе даже съела полпорции вареников (Боря съел две и навек подружился с официанткой Анастасией). Но приближался Сочи, было совсем темно, горная дорога петляла, и меня укачивало – в основном от горьких мыслей. Куда я еду. Зачем. Что я ему скажу. И как выдержу ответ. Да и вообще, честно ли это – ставить человека, доброго друга, в такое положение? Знаешь, я пострадала ерундой полгода и придумала: теперь-то ты мне и правда нужен, Боречка, ну-ка решай, как с этим быть. Мой телефон, видимо, неожиданно поймал сеть, потому что пришло сразу четыре сообщения от сестры Антонины: «Мы в Симферополе, за нами едет дядя Коля», «Мы в Ялте у Подоляков», «Как Боря?» и «НУ?!».

Я посмотрела на Борю. Он спокойно вел машину, постукивая слегка правой рукой по рулю в такт *Innuendo Queen*, которых мы слушали последний час. Наверное, он из тех, кто постоянно носит обручальное кольцо, если уж женится. От этой мысли мне почему-то окончательно поплохело.

– Останови! – задыхаясь, крикнула я и изо всех сил стала жать кнопку стеклоподъемника. Стекло медленно, очень медленно поползло вниз, я глотнула кислорода.

Боря выкрутил руль, чудом припарковал посреди темноты и гор длинный мерседес. Я вышла, шатаясь, из машины.

Сейчас в пропасть полечу, куда мне и дорога. Боря встал за мной, придержал за локоть – подстраховал. Я отклонилась назад, пристроила голову у него на груди, глаза прикрыла. Хочу так стоять вечно. И чтобы ночь пахла травами и Бориным одеколоном.

– Извини, – произнесла я тихо. – Не ожидала, что так получится.

– Это я виноват, – ответил Боря. – Надо было тебя за руль пустить. За рулем не качивает.

– Ни в чем ты не виноват! – возразила я зло. – Я во всем виновата, я! Поехали уже.

Оттолкнула его, забралась на свое место, пристегнула ремень и отвернулась. Я некрасивая, когда плачу.

– Полчаса еще где-то, потерпи, – сказал Боря ласково. И снова включил Queen. Я слушала последнюю песню Фредди Меркьюри, и мне было очень жалко его и себя, какие-то мы с ним несчастные.

Через полчаса Боря остановил машину у отеля с разномастными балконами.

– Все, мы на месте, – сказал он. Высадил меня, открыл багажник, подхватил наши сумки и пошел к ресепшен. Я покорно двигалась следом за ним.

Покорность изменила мне, как только улыбчивая девушка за стойкой попросила нас достать паспорта.

– У вас заказано два номера, – весело сказала она. – Тринадцатый – для Бориса Натановича и двенадцатый – для Жо-

зефины Геннадьевны, все верно?

– Нет, – заявила я.

Девушка взглянула на меня удивленно, стала проверять данные в компьютере – и в моем паспорте: не Женестьева ли я часом Георгиевна, не Жоржетта ли Гастонова.

– Жозефина Геннадьевна не хочет в двенадцатый номер, а хочет в тринадцатый, – объяснила я свою позицию.

– Ладно, – легко согласился Боря. – Тем более там люкс. Я его заранее заказывал, а твой – только сегодня, из Туапсе. Можем поменяться.

– Нет, – опять сказала я.

Тут на меня уставились уже два человека.

– Ваш вариант? – не меня дружелюбного тона, спросила девушка. На бедже у нее значилось: «Василиса». – Свободен также седьмой номер, с резным балкончиком. И второй, с большой верандой. Но в тринадцатом есть выход на крышу!

– Я хочу тринадцатый, – пояснила я. – Но жить там с Борисом Натановичем, потому что нет нам смысла снимать два номера, один из которых – люкс, наверняка двухкомнатный.

– Ну, – сказал нерешительно Борис Натанович, – не знаю. Можем посмотреть оба, и ты выберешь себе тот, который понравится.

– Нет, – я была непреклонна. – Я уже выбрала. Хочу в тринадцатый с тобой.

– Но...

– Только люкс!

– Так я же и предлагаю...

– Тебе тоже нужен люкс. Ты в другие номера не помещаешься. И по статусу вам, Борис Натанович, ничего ниже люкса не положено.

– Почему же, Жозефина Геннадьевна?

– Потому что вы очень важный человек!

Мы оба замолчали. Василиса откровенно веселилась, подперев рукой щеку. Наверное, считала нас парочкой поссорившихся эксцентричных супругов. Пожилых – самой Василисе было от силы лет двадцать.

– Ну что, – уточнила она, когда пауза затянулась. – Вы пришли к консенсусу?

– Куда? – переспросил Боря. – А. Ладно, давайте тринадцатый. Обоим.

И мы поехали в лифте на последний этаж, под крышу.

Пока ехали, мне было очень хорошо. За полчаса от пропасти до отеля я наскоро сочинила умеренно коварный план. Согласно ему, Боря сейчас скажет, что кровать уступает мне, а сам будет ночевать на диване. А я отвечу, что мы вполне можем спать вдвоем на кровати, потому что она огромна и шансов встретиться и даже докричаться друг до друга у нас мало. К тому же торжественно пообещаю к нему не приставать. А сама лягу и начну приставать. И будет хеппи-энд, я такое сто раз в кино видела.

Но потом мы вошли в тринадцатый номер и уверенность мою как рукой сняло. И той же рукой взвалило мне на плечи

триста тонн стыда. Господи, пошлость какая. «Я не буду к тебе приставать, ха-ха». Да, я видела такое в кино, и не в лучшем.

Мы были друзьями, он предлагал мне большее, я отказалась. А теперь намереваюсь превратить наши отношения, какими бы они ни были, в фарс.

– Что это ты там устроила? Что за семейную сцену? – спросил Боря тоном, которым никогда со мной не говорил. В лифте он вообще молчал. – И почему весь день так себя ведешь? Я тебе не мальчик, ей-богу.

– Я же объяснила, – попыталась я говорить весело и непринужденно, только голос звучал неестественно высоко. – Не нужны нам два номера. И ты точно не мальчик, и даже не девочка, и я уступлю тебе кровать...

– Ладно, – согласился он резко. – Не хочется продолжать эту беседу, честно говоря. Пойду в душ и спать. Твой диван, видимо, налево.

Я оторопело прошла в дальнюю комнату. Там был эркер с голубыми шторами и, действительно, диван. Большой, синий. Я бросила сумку у входа. Прикрыла дверь. Села на край дивана. Потом легла, вытянулась, положила под голову локоть. Сердце стучало, было стыдно и горько. От Воронежа до Сочи прошло три дня. Но мне казалось, целая эра. Все изменилось. Теперь я люблю Бору, например. А он меня ненавидит, и, в общем, заслуженно. Да, сестра Ж., пожалей себя как следует, это очень умно и действенно.

– Эй, – Боря постучал в мою дверь. – Ты как там?

Вскоре он вошел, постоял немного, сел рядом, чуть отодвинув мои ноги.

– Давно лежишь? – спросил. – Горе мое.

– У-у, – ответила я. Что означало: «Давно, с Воронежа».

Он сидел так близко, и был такой родной, и это его «горе мое»... Нет сил продолжать. Я лежала молча, лицом вниз – понимала, что не смогу уже ни в чем признаться, не сумею воспользоваться шансом. Ну, зато он больше не злится, а значит, дружбу мы сохраним. Надо только набраться мужества, повернуться к нему и поговорить о чем-нибудь нейтральном, безопасном, как раньше.

Боря положил мне руку на плечо, погладил его:

– Ладно, что такое? Рассказывай.

По-прежнему не в силах вымолвить ни слова, я потянула Борю за руку и легла щекой на его ладонь. И ладонь эту осторожно поцеловала.

– Я тебя... – его голос дрогнул, – правильно понял?

Я вздохнула, поцеловала ладонь еще раз, потом резко села и посмотрела Боре в глаза. Успела заметить в них крайнее удивление. А потом – когда приблизилась, чтобы поцеловать его уже в губы, – увидела на любимом Борином лице явное, беспримесное, абсолютное счастье.

Глава вторая

Мистер и миссис Смит

Сочи, 2 мая, время завтрака

Утром радостный Боря спрыгнул с кровати, быстро надел джинсы и сказал мне бодрейшим голосом:

– Ну, теперь надо расстаться!

И устремился на балкон.

Я лежала и лениво наблюдала за тем, как он там выхаживал и что-то говорил в телефон, размахивая рукой с тающей сигаретой, которую ему некогда было курить. На окне качались полупрозрачные синие занавески. Иногда Боря наполовину за ними исчезал, а потом снова появлялся. Есть Боря – нет Бори. Как увлекательная детская игра.

Свое желание со мной расстаться объяснит, когда вернется, решила я. Укрылась до глаз прохладным невесомым одеялом, потянулась, вздохнула счастливо и уснула.

Когда проснулась, в комнате было темно. А Боря лежал со мной рядом поверх одеяла.

– Привет, – позвал он тихо. – Ну что?

– Что? – не поняла я.

– Насчет расстаться? – с нажимом поинтересовался он.

– Не хочу, – сказала я, помедлив. – А это обязательно?

– Конечно. Иначе не по-людски. Я вот уже все. Поговорил

с Ксенией, попрощался. Теперь ты, – и он дал мне в руки мой телефон.

На секунду мне показалось, будто Боря хочет, чтобы я тоже попрощалась с Ксенией. Потом я вспомнила: точно, у меня же есть бойфренд, где-то в Омане, зовут Антон.

Я покрутила телефон в руках, разблокировала, задумалась. Надо найти правильные слова.

– Что конкретно ты сказал Ксении? – осведомилась я у Бори, ища вдохновения.

– Что благодарен ей за время, которое мы провели вместе; что она обязательно встретит своего человека, – перечислял он, – что иногда люди просто не подходят друг другу, но...

Понятно, поговорил с ней на ее родном инстаграмском*. И к тому же не солгал. Если Ксения сейчас и плачет, то светлыми слезами.

Я открыла переписку с Антоном в телефоне. Последнее сообщение он прислал мне три дня назад – то есть еще в апреле. Оно гласило: «Ой, не туда!» Перед этим я получила от него длинный список участников какой-то конференции в Австралии. Запомнила две фамилии, идущие подряд, – Парадизов и Парадоксов. Интересно, это настоящие люди?

Я вздохнула, нахмурилась, написала Антону: «Встретила другого». Потом подумала и добавила: «Извини». Все, могу считать себя свободной женщиной. Теперь бы кофе выпить.

– Уже вечер? – спросила я Борю, отложив телефон. – Позавтракать, наверное, не получится.

– Во-первых, только четыре часа дня. Я просто ночные шторы задвинул, пока ты спала. Во-вторых, здесь завтраки целый день.

– Ого! – сказала я.

– Опять ого? – засмеялся Боря, потом засмеялась я, и мы долго не могли остановиться: вспомнили вчерашний вечер.

Вчера, на диване, впервые поцеловав его, я отшатнулась и протянула в полном изумлении:

– Ого-о. Ого. Ого!

Просто раньше я думала, что не смогу целоваться с Борей. Даже говорила это сестре Антонине: мол, такой хороший человек, все мне в нем нравится, а, хоть убей, не могу целоваться. Но оказалось – еще как могу. И вообще непонятно, почему я занималась чем-то другим почти тридцать один год. После третьего моего «ого» Боря заметил вскользь, шепотом: «А тебя легко поразить» – и начал поражать уже по-настоящему.

– Я тебя люблю, – сказал он только что. – Пойдем искать тебе кофе.

В кафе на первом этаже отеля действительно целый день подавали завтраки.

– И круассаны у вас есть? И улитки с корицей? И дэниши? – тестировала я долговязого и очень терпеливого официанта, похожего на какого-то актера.

– Да, – кивал парень. – Только что испекли.

– И панкейки?

– С голубикой, малиной, клубникой. Их пока не испекли – но испекут, – улыбнулся он безмятежно. Боря с интересом за ним наблюдал.

– Что, даже «рояль» сделаете? Пашот со слабосоленым лососем? – шурилась я подозрительно.

– Обязательно, – отвечал юноша. – А также «бенедикт» с ветчиной. И соусом олландез, разумеется.

– О, точно. Бенедикт! – обрадовалась я.

На Бенедикта Камбербэтча был похож этот официант. Правда, судя по беджу, отзывался на имя Афанасий.

– Что ж, – объявила я. – Буду «бенедикт», круассан и кортадо. Если, конечно...

– Конечно, – подмигнул Афанасий. Кажется, я его совершенно не раздражала.

– Интересно у вас здесь, – сказала я, закрывая меню. – Все есть. А ведь мало кто завтракает в половине пятого дня.

– Может быть. Но это не повод не печь круассаны, – резонно заметил официант и повернулся к Боре.

Когда мы позавтракали фантастически нежным пашотом и хрустящими на весь Сочи круассанами, я попросила еще одну чашку кортадо: даже у краснодарской Зинаиды он не был так хорош. Кофе вместо Афанасия-Бенедикта мне принесла вчерашняя смешливая Василиса с ресепшен – та, что хотела поселить нас в разные номера.

– Добрый день! – сказала она и посмотрела на Борю при-

стально и чуть лукаво.

– Добрый, – охотно согласился Боря. – А мне еще один американо.

– Ладно, – разрешила девица. – А редиску к нему не ждете, Борис Натанович?

И стоит такая, улыбается.

Боря сначала нахмурился, а потом на лице его заиграла радость узнавания:

– Васька?! – воскликнул он. – Как так? Ничего себе!

– Ого, – подсказала я.

Боря вскочил с места и принялся эту Василису обнимать.

– Как так? – повторял он. – Ты же маленькая была. Я тебя вчера вообще не узнал.

– А я думала, это игра такая, дядь Борь, – смеялась Васька. – В Бориса Натановича.

– А это, – спохватился Боря, указывая на меня, – Жозефина.

– Причем Геннадьевна, – напомнила я. – Здравствуйте, Василиса. Боюсь, меня вы тоже помните.

– Рада познакомиться еще раз, – заверила девушка. – Как вам наш тринадцатый номер?

– Удачным оказался, – похвалила я. – И эркер. И балкон.

– На крыше не были еще?

– Собираемся, – пообещал Боря. – Кофе допьем только.

– Обязательно сходите! Мамски и папски будут вас вечером допрашивать, – предупредила Василиса. – А я побегу

уже, у меня тренировка. Афоня! Американо на второй.

И, попрощавшись, Василиса ушла заниматься спортом. Я молча посмотрела на Бору.

– Это Васька, – объяснил он. – Дочка Кузнецовых. Мамски и папски – это они.

– А-а, – со знанием дела закивала я. – Тогда понятно.

– Кузнецовы – мои друзья детства. Они только что открыли этот отель.

– А я думала, Гоша твой друг детства.

– Они из другого детства, сочинского. Я здесь подолгу жил у тетки. В основном на каникулах, а однажды целых полгода. Тогда и подружился с Кузнецовыми. Сегодня мы, кстати, с ними ужинаем.

– Где? – засмушалась я.

– Здесь. И я давно обещал их с тобой познакомить.

– Давно? – уточнила я. – Ты перепутал. Наверное, Ксению им планировал представить.

– Нет, – ответил Боря и слегка коснулся рукой моих волос и правого уха. – Ксению – не планировал.

Ухо мое вспыхнуло. И вообще стало жарко – как в Краснодаре, когда Боря сел рядом со мной на кровать. Надо же, мы вместе уже почти семнадцать часов, а чувства не остыли. Танцующей походкой явился официант Афанасий Камбербэтч с американо. Учтиво мне поклонился.

– А почему ты должен пить кофе с редиской? – спросила я Бору, кивнув на чашку. – Трудное сочинское детство?

– Ага, Васькино. Ей было лет пять, я как-то приехал и зашел к ним в гости. Вхожу, а там драма – ребенок орет, аж красный, Кузнецовы вокруг бегают и машут перед ней редиской, морковкой и чуть не репой – как перед мелким осликом. А Васька только горше плачет и отгоняет их руками. «Ледиску-у!» Я спросил, в чем дело. Кузнецовы отвечают – сели пить чай, она сказала, что хочет с чаем редиску. Они удивились, но дали. И тогда она заголосила. Главное, с обидой такой. Я подумал немного, открыл холодильник. И увидел там пирожное «картошка». Его-то она, конечно, и хотела. Перепутал ребенок, подумаешь. В общем, мы с Васькой стали тогда друзьями навек. А вчера я ее не узнал. Кошмар какой-то.

– Ну, давно не видел, наверное? – утешила я. Мне понравилась история про картошку и редиску.

– Угу, давно. В Москву Кузнецовы детей не брали. А здесь я в последнее время бывал одним днем и по делам. Или к тетке специально приезжал. Ну, и хоронил ее еще прошлым летом, но тогда было как-то не до Васьки... – Боря опять стал серьезным, как в Воронеже, когда говорил про учителя Байрона. Я, конечно, быстренько заново в него влюбилась. И взяла за руку – с полным на то правом.

– Пойдем-ка гулять по городу, – сказала я. – Расскажешь про тетку, про детство и про Кузнецовых. Надо мне как-то подготовиться к презентации.

– Давай погуляем завтра, – предложил Боря. – А сейчас

вылезем из тринадцатого номера на крышу, посмотрим, что у них там. Они ж действительно спросят вечером. Я немножко инвестировал в этот отель, Кузнецовы теперь волнуются.

– Инвестировал – и сам же забронировал люкс, – улыбнулась я. – Зато теперь понятно, почему ты не живешь в каком-нибудь «Хайятте» на первой линии.

– Кому нужен «Хайятт», когда на свете есть отель «Журавленок»! – Боря залпом допил кофе, сгреб меня в охапку и мы пошли через стеклянные двери к лифту.

Пусть везет нас на крышу, раз для Кузнецовых это важно. Наверняка хорошие люди.

Там же, 2 мая, время ужина

Они понравились мне сразу. Ну, если совсем честно, почти сразу – после того как я перестала стесняться. Будь на моем месте менее дикое существо, оно бы прониклось к Кузнецовым любовью с первой секунды и не пыталось сдержать их мощную волну дружелюбия. Меня же поначалу слегка смущал натиск. Было ощущение, что я знакомлюсь с парочкой разумных жизнерадостных лабрадоров.

– Какая вы красивая! – воскликнула Ольга Кузнецова, едва мы сели за столик. – Именно такая, как Борька рассказывал. Даже лучше!

– Боря говорил, что она умная, – возразил ее муж, Вадим Кузнецов. – Но и это тоже сразу видно. Девушка заказывает гарначу!

Кузнецовы и сами были очень симпатичными – особенно вместе. Оба невысокие, круглолицые, неуловимо похожие друг на друга. Он – плечистый блондин с очень светлыми ресницами и бровями. Она – классическая русская красавица: могла бы носить косу, сарафан и кокошник, но почему-то облачилась в джинсы, а светло-русые волосы скрутила в узел, который держался на обычной шариковой ручке.

– Гарначу я заказываю от смущения, – призналась я Вадиму. – Сейчас быстренько напьюсь и стану очаровательной собеседницей.

– Погодите, вам же еще белое вино нужно попробовать! – испугалась Ольга. – И желательно запомнить это. У нас, например, прекрасное грилло.

– Белое вино больше любит моя сестра Антонина, – с сожалением ответила я.

– Та самая, которая не совсем сестра? – уточнила Ольга. – Девушка Гоши?

Кажется, Боря и правда говорил с ними обо мне. Они знали даже имя и породу моего кота! А мне о них было известно немного – только то, что он успел рассказать, пока мы лежали у бассейна на крыше тринадцатого номера.

Эта тройца подружилась осенью 1991 года. Боря, как обычно, провел лето у тетки в Сочи, но домой в Воронеж уехать не мог – его мать попала в больницу. Пришлось временно определяться в местную школу, в 10 «Б», где уже учились Кузнецовы. Началась их дружба своеобразно. Оля Куз-

нецова влюбилась в яркого новенького. Боря на чувства не ответил, зато помог ей сделать более очевидный выбор – обратить внимание на Вадима Кузнецова, ее однофамильца и вечного соседа по парте. Вадик был тихим отличником, Олю любил с пятого класса, но молчал, решал за нее математику и розовел лицом, когда одноклассники дразнили их мужем и женой. Боря с Вадиком подружились на почве общей нормальности – у большинства учеников 10 «Б», увы, в списке интересов значился лишь золотой дубль «курить и бухать». А Вадим увлекался электроникой, разбирался в машинах, слушал иностранное радио и много читал. Вскоре они стали общаться втроем – гуляли, ходили в кино, ездили на море, сидели вечерами у кого-то дома, чаще у Оли: ее мама всех кормила и привечала, гостеприимная была женщина. Боря постоянно нахваливал Кузнецовой Кузнецова и оставлял их вдвоем в правильные моменты. А Вадика учил ухаживать за девушками – сам-то он с этим умением родился. Объяснял, например, что на день рождения надо дарить даме не только книжки ее любимого Крапивина, но и цветы, а еще духи и помады. В итоге к Бориному отъезду в Воронеж Кузнецовы стали парой. Поженились они почти сразу после школы, Боря был свидетелем на свадьбе. Вадим, окончив институт, занялся строительством, а Оля родила дочь Васю и сына Ваню и стала мечтать о будущем. Она хотела однажды стать хозяйкой гостиницы, а до тех пор работала в других – администратором, портье, менеджером. Пока работала, вывела форму-

ду идеального отеля. И вот в этом году им удалось такой открыть.

– Понимаешь, важно, чтобы людям было у нас хорошо. Чтобы даже в пик сезона они не чувствовали, будто живут посреди пылающего муравейника, в который превращается летом наш город, – говорила мне Ольга, когда Боря с Вадиком ушли курить. – И в этом смысле я рада, что мы не рядом с морем. Здесь тихий центр, и зелено, и постоянно что-то цветет. Мы с Вадиком в этом районе выросли, нашу школу отсюда видно... В общем, тут классно даже летом.

– Отличный слоган, – заметила я. – Нормальным людям понравится.

– Вот-вот! Это и есть отель для нормальных людей, – Ольга обрадованно надавила на мою руку у локтя, аж больно стало. – Потребности нормальных людей редко учитываются, а им не так уж много надо.

– Например?

– Например, удобные матрасы и подушки. Хорошая звукоизоляция в номерах – чтобы жаворонки и совы друг другу не мешали. Потом – завтраки весь день, к слову о жаворонках и совах. Еда в номер по той же цене, что и в кафе. Кнопка вызова горничной: нажимаешь, когда нужно, а в остальное время тебя по умолчанию не беспокоят и в дверь не ломаются. Номеров тринадцать, все они разные по дизайну и у каждого – своя изюминка: где-то большая терраса, где-то выход на крышу... Вся техника работает, ничего не болтается и не

протекает. Халаты, тапочки, щетки-пасты и прочие маленькие радости всегда, что называется, в наличии. Пульт от кондиционера лежит на видном месте, и в нем есть батарейки. В ванной стоит эко-косметика, которую нам делают прекрасные чуваки, у них свое маленькое производство. Ну, и персонал, конечно. Я всех кандидатов собеседую сама и смотрю, способны ли они поддержать разговор и можно ли их к людям пускать.

– Официанта Афанасия тоже собеседовала? – поинтересовалась я.

– Афанасий – парень Василисы. По благу сюда попал, – улыбнулась Оля. – Но мальчик замечательный. Он еще у Пети учится готовить, Петя – наш шеф-повар. Приехал, представляешь, из Питера, потому что там замерз...

– Интересно, – сказала я. – Я только сейчас поняла, что здесь все именно так, как ты говоришь. И матрасы с подушками, и тишина, и пульт от кондиционера сразу нашелся и заработал. Но я это, откровенно говоря, принимала как должное.

– И хорошо! – засмеялась Оля. – Вот если бы что-то было не так, ты бы обязательно заметила.

– Это правда, – согласилась я. – Как-то захотелось вас срочно везде пиарить. А то ведь не узнают в Москве об отеле «Журавленок». Кстати, откуда это название?

– Из Крапивина! А кафе называется «Молнии». Мы вывеску повесили, а вот на дверях написать не успели... Это

моя любимая крапивинская книжка – «Журавленок и молнии».

– И моя, – призналась я. – «Потому что гром – это не страшно, это уже после молнии. Если слышишь, как гремит, значит, молния ударила мимо».

– Господи, как же хорошо, что ты одумалась! – Оля схватила меня, оторопевшую, за обе руки. – Ты ж совсем наша. Совсем родная. Не мучь только больше Борьку, он тебя так любит, а никого другого, считай, не любил.

Тут вернулся никого-считай-не-любивший Борька в сопровождении Вадима, и мы решили выпить розового шампанского. Логичное же решение после гарначи, грилло, монастреля и парочки неучтенных совиныхонов. Допивая второй бокал под сырный комплимент от шеф-повара Пети, я вдруг вспомнила, что за сутки так и не рассказала сестре Антонине, как у меня дела. «Извини, что пропала. Ела охрененный стейк и форель. Знакомилась с Кузнецовыми. Возможно, напилась», – написала я. «Я привыкла: раз не пишешь, значит, все хорошо», – ответила сестра. И тут я вспомнила, что должна была сегодня лететь в Москву – примерно в то время, когда выспрашивала официанта Афанасия-Бенедикта про пашот и круассаны. «Спасибо вам», – написала я сестре Антонине, имея в виду все сразу.

Мы допили брют, я категорически отказалась от десерта, объяснив это скромной грузоподъемностью лифта.

– Эх ты, – покачала головой Кузнецова. – Наша Васька

копит деньги на кондитерские курсы в Париже. Вот вернется, наделает эклеров, попробуй тогда не попробовать!

– Кстати, *éclairé* – по-французски «молния», – заметила я. Видимо, шампанское разбудило во мне дремлющее знание французского.

– Она еще на разных языках говорит! – в очередной раз восхитился мной Кузнецов.

Много я получила тогда комплиментов, и не только от шефа. Боря в тот вечер говорил мало – по крайней мере, для себя обычного. Смотрел на меня, улыбался, слушал, был рядом. Как же это приятно, оказывается – когда кто-то настолько *с тобой*.

– Может, пойдем? – шепнула я ему, пока Кузнецовы отвлеклись на разговор с бледным (видимо, еще не отогревшимся) шеф-поваром Петей из Питера.

Боря ответил взглядом – да, идем. Встал, большой и внушительный, и шумно начал прощаться с друзьями и благодарить шефа. Я тоже поднялась с места – отметив с удивлением, что довольно хорошо держусь на ногах для человека, полировавшего красное игристым.

Наполняло меня не вино, а счастье.

Чувствуя себя красивой, любимой и очень легкой, я направилась к лифту. Практически полетела. И с размаху вошла лицом в стеклянные двери кафе «Молнии».

Гром – это не страшно.

Сначала я не поняла, что произошло. Удивилась только, что уже никуда не иду. Потом услышала нестерпимый гул, как будто в гонг над ухом ударили, и почувствовала: больно. Больно всей правой стороне Жозефины. Успела подумать: а ведь правая – моя выигрышная, «рабочая» сторона.

Потом вокруг меня все забегали и запричитали. Пытались отклеить от лица мои руки, которыми я его защищала. Я сопротивлялась и рук не отпускала – и чтобы от меня отстали, уткнулась Боре в грудь. Он меня очень аккуратно обнял, отгородил от всех, дистанцировал. Где-то далеко говорили люди, до меня доносились обрывки фраз: «лед неси уже», «отойдите от нее», «да я просто...», «нос-то цел?». Насчет носа я тоже беспокоилась – оттого, может, и держалась за него. Еще глаза. Хотелось бы, чтобы их все еще было два. Постепенно сквозь пелену стали проступать достаточно четкие мысли. Я не слышала звона стекла, потому что меня оглушило или потому что оно не разбилось? И если не разбилось, значит, порезы исключены? Я отодвинула руки, ладонями осторожно потрогала лицо. Нос на месте. Под ним не мокро, крови нет. Глаза есть, оба. Вот под ними мокро – но это, похоже, слезы. Или дождь: после грома и молний бывает гроза.

Я зашевелилась в коконе, который соорудил для меня Боря, и он чуть расслабил руки. Я повернулась к людям. Ольга Кузнецова смотрела на меня с испугом, но я заметила, как на лицо ее постепенно снисходит радость и облегчение. Хо-

роший знак. Она бросилась было ко мне, но Боря выставил руку вперед: пока нельзя.

– Прости, Жозефиночка, – говорила Оля. – Дура я, рассказывала тебе, как у нас тут все хорошо продумано... А на двери ничего не успели написать, и вот. Ужас!

– Хватит голосить, – вступил Вадим Кузнецов. – Сегодня же напишем! Прямо ночью. Чего уже себя ругать, без толку.

Я поняла, что он так защищает жену. И решила ему помочь:

– Не надо ночью. К следующему моему приезду напишите на стекле слово «Выход». Ну или слово «Дверь», для одаренных. А пока я и так запомню.

– У тебя что-нибудь болит? – спросил Боря, пока остальные растерянно смеялись.

– Я не чувствую половину лица, это минус. Зато реально видела молнии в кафе «Молнии»! Уникальный экспириенс, как сейчас пишут.

Я улыбнулась Боре снизу вверх: мол, ничего, можно смеяться, гроза миновала. Ольга Кузнецова все-таки ко мне прорвалась и, ежесекундно извиняясь, стала прикладывать пакет со льдом к моему лицу. Один раз приложила к коленке – на всякий случай. Весь остальной персонал отеля «Журавленок» суетился и спрашивал, чего я хочу – кофе, воды, спать, гулять или (я четко расслышала!) козинаков из кунжута.

Я почувствовала, что лицо деревенеет и опухает, и, пока карета совсем не превратилась в тыкву, решила удалиться.

Боря кинулся открывать передо мной стеклянную дверь. Вадим Кузнецов подошел и зачем-то завернул меня в огромный плед. Такой милостивой юртой я и шагнула в лифт. До тринадцатого номера мы с Борей добрались без приключений.

13-й номер, 3 мая, после полудня (и обезболивающего)

Утром оказалось, что уже опять не утро, а два часа дня, и в номере я одна. А еще – что над глазом у меня теперь синяк. Довольно аккуратный, зато большой и фиолетовый. Цвета первых весенних грозовых туч, которые так любил то ли Фет, то ли Тютчев.

Я сделала селфи с фингалом, отправила его сестре Антонине и сопроводила вопросом: «Гроза в начале мая – это Тютчев или Фет?» Когда сообщение уже уходило, я поняла, что посылаю всю эту красоту не Антонине, а Антону, своему уже бывшему бойфренду. Который, между прочим, ничего так и не ответил на мое уведомление о разрыве. На этот раз Антон среагировал мгновенно. «Тютчев», – написал он. Потом долго что-то набирал, судя по бегающим точкам. Наверное, решил все же объясниться – или хотя бы спросить, откуда синяк и не бьет ли меня новый мужчина. Наконец, пришел такой вот текст: «Кстати, Тютчев и Фет родились в один день с разницей в семнадцать лет. А отца Фета (фамилия которого, к слову, была Шеншин) звали Афанасий Неофитович. Меня это поразило когда-то. Как и то, что, если вчитаться, лирика у них совсем разная...» Не успела я опомниться, как Антон в качестве ответа на мое сообщение «Встретила

другого. Извини» прислал грустный смайл. А потом написал еще: «Лечи глазик».

Люди, которые наивно думают, что умеют мирно расставаться! Это вы еще не знаете Жозефину Козлюк и Антона Полякова, абсолютных мировых чемпионов в дисциплине «быстрое прощание».

Вошел Боря – я уже начала беспокоиться, куда это он делся.

– Доброе утро, – улыбнулся он и сел на кровать. – Я не стал тебя будить. Как ты?

– Выгляжу как лицо домашнего насилия, а чувствую себя неплохо. Хорошее обезболивающее твоя Кузнецова мне прислала.

– После вчерашнего она уже не моя Кузнецова, а наша. Покорена тобой и твоей стойкостью.

– А я – стойкостью их стеклянной двери. Жозефина била-била, не разбила.

Боря притянул меня к себе, чуть тронул губами мой больной глаз и так же нежно поцеловал здоровый:

– Там о тебе все спрашивают внизу. И Ольга, и Васька. И даже Афанасий.

– Неофитович? – уточнила я.

– Скорее всего, – ответил Боря. – А ты что делаешь? Давно проснулась?

– Да только что. Переписываюсь с Антоном.

– А, понятно, – помедлив, сказал Боря. И больше ничего

не спросил. Только рука его, обнимающая меня, застыла на миг. Как пару недель назад, в моем офисе, когда я сначала думала, что на ресепшен ждет собака шпиц, а потом взяла Борю под локоть и решила, что ему это неприятно.

Почему-то мне важно было прояснить ту ситуацию. Так что я выпрямила спину и села так, что теперь не Боря обнимал меня, а я его. Мне было не видно его лица, и хорошо, так проще говорить:

– Помнишь, мы ходили во МХАТ недавно? Ты заехал за мной в офис, случилась путаница со шпицами. Я не сильна в выяснении отношений, но... в общем... мне показалось, что у тебя тогда, прости за пафос, прошла ко мне любовь.

– Надежда, – почти сразу ответил Боря. – Не любовь пропала, а надежда. Сначала на ресепшен со мной как будто поговорил еврейский бог: «Жозефина Геннадьевна сказала, что Шпиц ей не нужен». А потом ты пришла. Чудесная, веселая, шутила, немного флиртowała, и явно по-дружески: «Ой, ну что ты, ты мне всегда нужен». До тех пор я надеялся, что у нас что-то получится. А после твоего «ну что ты» понял, что нет. И закрыл для себя эту тему.

Боря услышал еврейского бога и прекратил игру в одни ворота. Или (еще одна спортивная метафора) ушел со скамейки запасных. Странно, что я это раньше не поняла. Ну, я много чего не понимала до Воронежа.

– Встречный вопрос можно? – Боря явно волновался, кашлянул даже. – А что, собственно, изменилось? В смысле,

почему ты вдруг вчера...

– Ох, – вздохнула я, сползла вниз и прилегла на Борино плечо. – Не вчера, в Воронеже еще. Когда ты про учителя говорил.

– Про Байрона? – удивился он.

– Угу. Ты был такой серьезный и... Трудно объяснить, не умею я. А Антон пишет мне какую-то ерунду про Фета и велит лечить глазик. Не бери в голову.

Боря посмотрел на меня благодарно:

– Ну и хорошо. Можно я буду звать тебя Одноглазый Джо? Уменьшительное от Джозефины. И для закрепления успеха почитаю тебе вслух что-нибудь серьезное. Библию там или инструкцию к телевизору... А пока давай закажем завтрак в номер. Что ты хочешь?

– «Наполеона», – подмигнула я целым глазом. – Теперь-то я с ним справлюсь!

Глава третья

Из жизни босикомых

Сочи, 3 мая, целый день

После завтрака я наконец-то (впервые за три дня) увидела Сочи. Мы вышли из отеля и часа полтора бродили по старому центру, по улицам, которые мне хотел показать Боря. Чайковского, Цветной бульвар, Новоселов, Гагарина, Конституции, Воровского, Роз, Парковая, Островского, Карла Либкнехта. Я ходила, читала таблички и рассматривала палисадники, где что-то, как и обещала Ольга Кузнецова, постоянно распускалось. Особенно розы, и не только на соответствующей улице. Сочи и так полон цветов и всякой зелени, а к пальмам там можно патриотично припадать вместо берез. Но жителям, видимо, этого мало, и они догоняются палисадниками. Оккупируют всю свободную землю, на каждом ее пятачке высаживают что-нибудь красивое и любят-ся потом. Вот и я ходила любовалась цветами, кустами, деревьями, самодельными садиками и охраняющими их зайцами из пластиковых бутылок. Ладно, это был один заяц на улице Новоселов, но уж очень он был хорош!

Я совсем другим представляла себе Сочи – не таким спокойным, зеленым и розово-пятиэтажным. Думала, его давно вытоптали толпы курортных олегов с подкопченными спина-

ми, зудящими женами и мечтами уровня «протянуть на пиве до вечера и разговеться, наконец, водкой».

– Ну, этого добра тоже хватает, – сказал Боря. – Особенно в сезон. Но Сочи хорош тем, что здесь есть где затеряться.

И мы шли и терялись в палисадниковом гетто. Его потихоньку обступали новостроящиеся стеклянные и каменные великаны, но листья магнолий и пальм скрывали город от великаньего войска, огромные сосны стояли в дозоре, а заяц с улицы Новоселов держал оборону.

Боря показал мне школу на Цветном бульваре, где они учились с Кузнецовыми, а также пятиэтажку на улице Новоселов, в которой жили Ольга и Вадим, и, наконец, дом своей тети. Он стоял прямо за школой. У подъезда – куст жасмина, пара розовых кустов и самодельная ржавенькая арка, увитая, естественно, цветами. По тротуару задумчиво бродил небритый дедок в телогрейке, подметал его большим пальмовым листом. Два темноволосых и крайне загорелых мальчика играли у ограды. Старший держал младшего за руки, тот пытался вырваться и нудел: «Отпусти-и-и!», а захватчик в тон ему пел: «И забудь-удь!» Боря блеснул очами, большой мальчик тут же отпустил (и забыл) маленького.

Мы остановились у подъезда.

– Я здесь год не был, – сказал Боря. – Не заходил в квартиру.

– Вот сейчас и зайдешь, – решила я и немного его подтолкнула.

Боря, пригнувшись, прошел под аркой, я за ним. Мы поднялись на последний этаж, встали у коричневой двери с номером пятнадцать. Я почему-то думала, что он позвонит сейчас в старомодный синий звонок – забыла, что звонить уже некому. Боря достал из джинсов ключи, открыл, пропустил меня вперед.

На полке в прихожей стояла фотография веселого черноглазого ребенка, которого я сразу узнала.

– Ну да, – подтвердил Боря, проследив за моим взглядом. – В детстве я был кудряв.

В большой комнате Борино кудрявое детство было представлено шире. Я насчитала семь его фотографий – и в школьной форме, официальные, и летние, любительские. На одной он был изображен рядом с красивой строгой женщиной в льняном брючном костюме и белых туфлях на квадратном каблуке.

– Это тетя? – спросила я.

– Нет, ты что, это мама. Тетя нас сфотографировала у Морвокзала.

– А ее фотографии есть?

– Да, в альбоме где-то. А, и вот здесь, за стеклом.

Я осторожно отодвинула дребезжащее стекло старого буфета – так чтобы не упали выстроенные в ряд цветные фигурки дельфинчиков, – и достала снимок.

– Они с мамой что, близнецы? – поразила я. Лица у сестер были почти идентичными, только выражение совсем

разное. Прямо лед и пламень.

– Нет, тетя старше на пять лет, – ответил Боря.

И теплее на пятьдесят градусов, чуть не сказала я. Вместо этого спросила:

– Как звали тетю?

– Тетя Миля. Эмилия Львовна. А мама – Оделия.

– Эмилия и Оделия! Красиво. Большинство девочек в детстве хотят, чтобы их звали примерно так.

– Ты-то, наверное, не хотела, – предположил Боря.

– Нет. Я хотела быть Катей или Машей. И чтобы от меня все отстали с вопросами.

Боря неожиданно поцеловал меня в макушку и пошел на кухню, я услышала, как засипел чайник.

Я села на диван, потом передумала, встала, открыла первый попавшийся ящик буфета. Вытащила оттуда еще одну фотографию – усталого худого мужчины с грустными глазами. Внизу она была подписана: Шевелев А. И.

Вернулся Боря, увидел нас с Шевелевым и вдруг рассмеялся:

– Пока я ставил чайник, ты раскрыла семейную тайну. На это тебе потребовалось тридцать секунд, а нашей семье – тридцать лет.

– Семейная тайна – вот этот мужик? – не поверила я.

– Да, доктор Шевелев Алексей Игнатьевич. Главврач больницы, в которой тетя работала медсестрой. Ее большая и единственная любовь. Все вокруг думали, что тетя Миля

– старая дева. У нее же не было детей, она никогда не была замужем. И однажды выяснилось почему. Встретила этого доктора еще в юности и любила до самой его смерти. А скорее всего, и после нее тоже.

– Он, конечно, был женат?

– Ну естественно. Но ответные чувства испытывал. Когда моя мама об этом узнала, не разговаривала с тетей Милей два года. Она у меня женщина строгих нравов.

– Ничего себе. А ты знал о докторе Шевелеве?

– В пятнадцать лет узнал. Приехал к тете раньше на день – точнее, приехал как надо, но они там что-то с датами напутали. Забегаю в квартиру и вижу задумчивого доктора в семейных трусах. Я с ним был хорошо знаком, тысячу раз к тете в больницу заходил.

– И что он?

– Спросил, хочу ли я яичницу. Я хотел.

Понятно теперь, отчего доктор такой усталый. С ума сойдешь столько лет врать.

– Кстати, эту фотографию, – Боря кивнул на Шевелева, – тетя Миля украла со стенда «Ими гордится Сочи». Сама хотела им гордиться, в одиночку. Ну и была немного хулиганка, очень к тому же романтическая.

– А откуда мама узнала про семейного доктора в семейных трусах? Не от тебя же.

– Нет, конечно. Тетя Миля сама потом рассказала. Может, боялась, что я проболтаюсь, а может, просто надоело

молчать. Мне она тогда, отправив доктора Шевелева домой к жене, велела одно: «Никогда так не делай. Не разбрасывайся. Скорее всего, ты такой же однолюб, как я и твоя мать. Поэтому выбирай лучше. И пусть твой единственный любимый человек будет для тебя свободен». Я прямо дословно тогда запомнил от шока. А она надела фартук и пошла печь сырники. У нее отличные и уникальные сырники получались. Маленькие, пышные, пахли ванилью и... радостью они пахли. Я спрашивал рецепт, она что-то бормотала про девятипроцентный местный творог, но, похоже, рецепта не было, все делала на глаз.

– Мама не пробовала повторить? – спросила я про сырники, чтобы не спрашивать больше про доктора Шевелева.

– Да я их при ней не упоминал – мама и так немного нервничала, когда я о тете говорил. Ревновала, видимо. Но к морю регулярно отправляла, потому что ребенок должен дышать чем-то, кроме Воронежа.

– Тетя тебя очень любила, – я кивнула на ряды его фотографий.

– Да, и я ее. Иногда к концу лета, забываясь, называл мамой. Это был наш секрет.

Доктор А. И. Шевелев на снимке печально усмехнулся – знал толк в секретах.

Боря замолчал: чайник на кухне свистел, а он не реагировал.

– Слушай, не пей пока чай, – сказала я. – Сейчас приду.

Когда я вернулась, Боря спал в маленькой комнате на диване – видимо, на том же, на котором всегда спал летом у тети. Я прокралась на кухню, нашла фартук, пооткрывала немного дверцы и приступила к экспериментам.

Боря пришел на запах. Выглядел пораженным и незащищенным, я даже немного испугалась за него – вдруг подумает, что тетя Миля ожила, а потом огорчится.

– Это те самые сырники! – сказал он, взглянув на них. Потом попробовал один прямо со сковородки и подтвердил: – Те самые! Как тебе удалось?

Я пожалала плечами – не все же ему меня удивлять. Я просто сходила в ближайший продуктовый магазин, маленький, затрапезный, хардкорный. Спросила там у женщин за прилавком, какой девятипроцентный творог они посоветуют. Продавцы проявили недюжинное участие, стали наперебой мне что-то втолковывать и вручили две липких пачки лучшего, по их мнению, местного творога. Я купила и все остальное для сырников, и дамы из магазина сложили продукты в пакет и сочувственно сказали: «Удачи, милая». Выйдя на улицу, я поняла, в чем дело. Явилась несчастная девушка с подбитым глазом, просит творог. Девятипроцентный – ясное дело, с другим ее домой не пустят. Вот и помогли мне добрые женщины, спасибо им.

На кухне тети Мили я просто налепила сырников, следуя описанию, которое дал Боря. Маленьких. Я вообще умею готовить, и люблю.

– Это волшебство, – сказал Боря на шестом сырнике.

– Я химик по образованию, – напомнила я. – А сейчас работаю в компании, которая производит молочные продукты.

– Ты мне магию не разрушай, – попросил Боря и потянулся за седьмым.

Тетя Миля с фотографии хохотала и смотрела на меня лукаво, но одобрительно.

Вечером мы все-таки добрались до моря. Я хотела посмотреть закат. Мы сидели у воды прямо на камушках. Небо показало разноцветное шоу, солнце поклонилось и ушло.

– Однажды тетю Милю спас дельфин, – сказал Боря. – Она лежала в море на надувном матрасе. Качалась на волнах. А у нас все в семье умеют засыпать в любой момент в любой ситуации. И вот она уснула. Проснулась вот так же, на закате – оттого, что кто-то упорно толкает матрас. Смотрит – берег уже далеко. А будит ее дельфин. Мол, дамочка, ты что, давай отсюда, тебе еще жить да жить. Она стала грести к берегу, дельфин какое-то время плыл рядом, потом отстал. Возможно, помахал плавником. Или покрутил им у виска – если у него такой есть. Тетя Миля благополучно добралась до пляжа, пошла домой и прожила еще много лет. А дельфина с тех пор считала своим тотемным животным... В последние годы я редко к ней приезжал, не получалось. Приехал прошлым летом, когда она заболела. Пытался уговорить ее на Москву, на Израиль, она ни в какую. Да и поздно было. В общем, я

остался... до конца. Она еще радовалась: «Ты опять летом в Сочи! У нас с тобой опять каникулы!»

Я бросила в море камешек. Не добросила.

Рядом с камешком обнаружился кусок зеленого стекла. Острый, не обкатанный водой. Я взяла его и стала озираться – где бы найти урну. Всегда собираю и выбрасываю опасные штуки. Сестра Антонина, кстати, тоже: ее сын Кузя однажды поранил руку о стекло на детской площадке. А я в детстве мирно играла во дворе в прятки, бежала к сараям выручаться, поскользнулась и шлепнулась прямо на острое бутылочное доньшко. У меня до сих пор шрам на бедре. И чудесные воспоминания о дворовых играх.

– Сейчас, погоди, – сказала я Боре, крутя головой. – Маня такая у меня.

– Ага, знаю, – кивнул он.

– Что знаешь?

– Про стекла. И про твой шрам. Я же его видел.

– Э-э, – уши мои загорелись. Не люблю такие разговоры.

Что случилось в тринадцатом номере, остается в тринадцатом номере.

– Да нет, – засмеялся Боря. – Ты мне его показывала, когда мы только познакомились.

Что ж, это на меня похоже. Здравствуйте, Борис, хотите, покажу вам задницу?

– М-м, – продолжала я тянуть звуки. – Это когда? В Большом театре?

– На балконе мы стояли в квартире Антонинки, курили. Пока они там отношения выясняли.

Здорово! Умею я оживить чужой праздник.

– Не помню, – призналась я. – Предпочитаю забывать свой позор.

– А я хорошо помню, – мечтательно произнес Боря. – Я в тебя тогда влюбился.

Он отнял у меня стекло, привстал и бросил его в далеко стоящую урну. Попал.

– Врешь ты все, – задиристо сказала я. – Ты в меня влюбился на два часа раньше. Как только я тебе дверь открыла. Изменился в лице и остолбенел.

– Конечно, остолбенеешь тут! Мне ж никто не сказал, что в квартире будет еще одна девушка. У меня не было для тебя букета. Я за ним сразу и пошел.

– Ну вот, – огорчилась я. – А я-то думала.

– Всего-то два часа разницы, Джо. И понравилась ты мне сразу. Но влюбился – когда увидел шрам.

– Чем же он тебя так поразил? Напомнил формой полумесяц?

– Угу, – Боря наклонил голову. – Евреи исторически обожают полумесяцы.

– Кто тебя знает, человека с историческим прозвищем Риббентроп.

– В общем, нет, форма ни при чем, дело в содержании. И кое-что мне твой шрам действительно напомнил. Только

придется продолжить сеанс неуместной честности. Не уверен, что надо, – Боря на всякий случай обнял меня покрепче.

– Давай уже, говори, – поторопила я. – Переживу как-нибудь твою честность.

– Ну... Короче, один человек уже показывал мне шрам.

– Девушка?

– Да.

– Любимая?

– Да.

– Давно?

– Да.

– Эй, ты не рассказываешь! За такое интервью журналиста бы, например, уволили.

– Ладно, слушай. Это случилось здесь, в Сочи, в 1991 году. Мне было пятнадцать лет, ей тоже. Она приехала из Норильска в начале лета, полтора месяца прожила в Сочи с мамой, а потом еще месяц – с отцом. Ее родители разделили отпуск, чтобы она подольше побыла на море. Они снимали комнату у друзей моей тетки, на Цветном, около седьмой школы, в трехэтажке. Тетя однажды сказала, что вот, к Дроздовым приехала девочка, твоя ровесница, покажи ей хорошие пляжи, ты здесь все знаешь.

– И ты показал. А она тебе за это – шрам на попе...

– Я вообще-то был очень положительный и скромный. Настолько, что ее мама спокойно отпустила ее со мной на пляж. Мы поехали на Красный Штурм, это здесь недалеко, на авто-

бусе. В автобусе молчали, стеснялись оба жутко, я слово боялся произнести. Вышли, разулись, пошли к бунам, сели там. Не на полотенце же располагаться, это считалось адским мещанством. Я нырнул, чтоб охладиться, выплыл, продолжаем молчать. Она так и сидит в сарафане. Говорю: раздевайся. В смысле, искупайся. И тогда она отвечает тихо-тихо: «Мне зимой операцию сделали, и на животе теперь шрам от аппендицита. А купальник – отдельный...» И чуть не плачет. Так она это непосредственно сказала, так мило, что меня как током ударило. Сижу, ком в горле. А сам болтаю почему-то: «Ты не переживай, у всех свои шрамы». Намекаю, значит, на свой несуществующий жизненный опыт. Она немножко успокоилась, сбросила сарафан, прыгнула в воду, вынырнула, счастливая. И дальше мы не расставались два с половиной месяца. Ездили на разные пляжи – и поближе, на тот же Красный Штурм и Спутник, и подальше, на весь день – в Лоо и Уч-Дере, на Семьдесят третий километр. По-моему, никогда еще я так много не ходил босиком, как в то лето. Иногда водил ее в кино и кафе. Но там нам нравилось меньше, в кафе ведь не спрячешься от людей. Возвращались мы поздно или очень поздно. Ни моя тетья, ни ее родители вопросов не задавали. А тетья еще и стала чаще брать ночные дежурства. Уходя, говорила: «Помни, я тебе доверяю»...

Я хотела сострить – в том смысле, что доверяла явно зря, но промолчала.

– Два с половиной месяца в пятнадцать лет – это мно-

го, – продолжил Боря. – Но лето наше все равно закончилось. Пятнадцатого августа она уехала. Как прощались, лучше не вспоминать. У меня температура держалась несколько дней, тетя была в ужасе. Думал, вернусь в Воронеж, станет легче. Но тут мои родители сказали, что надо остаться в Сочи и пойти здесь в школу. И я ходил – а еще ходил мимо дома, в котором она жила, по бульвару и тропинкам, где мы гуляли...

– Вы с ней не переписывались? – спросила я.

– Поначалу да. Она обещала вернуться на следующий год. Но потом написала, что летом они переезжают в Питер. И дальше следы ее затерялись.

– А вот у тебя остался след. Шрам даже, – вздохнула я. – Как ее звали?

– Яся, – сказал он негромко. – Ярослава.

Боре нравятся девушки со шрамами и редкими именами. Наверное, я должна была ревновать и злиться, но ничего такого не чувствовала – только нежность и гордость оттого, что со мной поделились сокровенным. Будто в благодарность за это Боря закончил рассказ так:

– Яся была сильным потрясением. И после нее я так толком никого и не полюбил. Пытался, но не получалось. Думал – ну все. Потратил единственный шанс в пятнадцать лет, чертов потомственный однолюб. А потом я встретил тебя. И мы пошли на балкон курить и заговорили о дворовом детстве. Ты рассказала, как упала, показала шрам на бедре.

Тут же застеснялась, начала смешно извиняться – мол, да, я всегда так делаю, демонстрирую миру свои лучшие стороны. Что-то еще сказала, а я стоял еле дыша. Чувствовал, как жизнь постепенно возвращается и любовь. Будто мне сердце заново запустили. И было еще новое ощущение – что все это правильно и навсегда. Вот так.

Боря достал сигарету, долго не мог прикурить.

– Ветер, – сказала я. – И холодно уже становится. Пойдем домой, мой хороший.

Часть вторая

Глава первая Картина с маслом

Москва, 9 мая, после праздника

Домой в Москву мы вернулись под гром салюта. Город праздновал День Победы, а казалось – встречал нас. Ура, явились, добро пожаловать, сейчас начнется реальная жизнь, бабах! Впрочем, отголоски ее стали доноситься уже с утра, когда мы только выехали из Воронежа. Сначала пошел ливень – уверенный, плотный, шумный. Дворники мерседеса носились в истерике и плохо справлялись со своими обязанностями, дорогу почти не было видно. С полчаса мы ехали как по дну бассейна, в какой-то момент сдались и остановились на заправке. У входа в местный минимаркет под козырьком спокойно лежали две собаки и две кошки.

– Это очередь на ковчег? – спросил у них Боря, пытаюсь открыть дверь, пропустить меня внутрь и сложить зонт одновременно. Черная кошка душераздирающе зевнула: проходите, мужчина, не задерживайте тут.

Пока мы сидели на пластиковых стульях за пластиковы-

ми столами и размещивали пластиковыми палочками кофе в пластиковых стаканчиках, природа за окном бушевала и негодовала. А у нас начали вдруг разом звонить телефоны и пищать мессенджеры. Моя мама из города Белогорска Московской области хотела уточнить, проехала ли я поворот на Тулу – он казался ей очень значимым. Борина мама из города Хайфа (Израиль) интересовалась, во сколько конкретно он будет в Москве. Девочки из моего отдела спрашивали в общем чате, когда мы выходим на работу и можно ли завтра не выходить. Боре названивали какие-то важные бизнес-люди и задавали важные бизнес-вопросы, так что он ежеминутно отходил к полке с газетами и журналами – там было хоть что-то слышно.

Канитель с телефонами продолжилась, когда закончился дождь и мы сели в машину. Мир вдруг вспомнил о нас и теперь не давал забыть о себе. От Воронежа до Москвы нам с Борей толком некогда было поговорить. И мне его ужасно не хватало. Да, мы провели вместе двенадцать дней и восемь ночей, но этого мало. Я знала, что скоро работа и рутина. Никакого тебе больше Сочи, моря, роз и тринадцатого номера.

– Жозефиночка, возвращайся! – говорила Ольга Кузнецова, провожая нас у отеля «Журавленок». – На двери кафе пока только временная вывеска, скоро торжественно откроем постоянную. Приезжай! Через недельку, а?

– Мы повесим рядом мемориальную табличку «Наши двери всегда открыты для Жозефины К.», – обещал Вадим Куз-

нецов.

– «...или кажутся ей таковыми», – добавила я.

Мне казалось, что в Сочи я накопила радости лет на сто. Но по дороге домой она постепенно и безнадежно таяла. Будто я оставляла часть ее в каждом следующем городе – Краснодаре, Ростове, Воронеже, – надеясь вернуться потом по ней обратно, как по хлебным крошкам. К пробке под Домодедовом радости уже оставалось на доньшке. Я грустно смотрела на Борю и скучала по нему – заранее, поэтому сильно.

– Может быть, все-таки у меня переночуешь, Джо? – спросил он, когда пробка рассосалась и мы окончательно и бесповоротно въехали в Москву.

– Да нет, на работу завтра. Одежда нужна, и выспаться хорошо бы хоть немного. У нас первое совещание в десять, а потом собеседования на ивента, три штуки подряд, эйчар завалил письмами. И конф-кол с бодрым иностранным начальством, у которого не было майских праздников.

Ивент, эйчар, конф-кол – все эти слова были из забытой прошлой жизни и явно далеки от понятия «радость».

– Ну ладно, тогда завтра вечером увидимся, – согласился Боря.

– Вечером ко мне приедут родители, – вздохнула я. – Привезут кота и останутся на ночь, потому что мама папу записала к офтальмологу в Москве, а без мамы папа по врачам не ходит.

– А послезавтра?

– М-м... В пятницу если только, – подсчитав, сказала я. – До этого никак.

– Значит, в пятницу. Тринадцатого, – улыбнулся Боря. – Хороший день.

Наверняка ему хотелось знать, чем я занята в среду и четверг, но он не спрашивал. Внимательно смотрел на светофор, ждал, когда загорится зеленая стрелка.

– А ты ведь так и не пустил меня за руль своего икаруса, – вспомнила я. – Обещал!

– Может, потому, что ты зовешь мою машину икарусом? – в тон ответил Боря.

– Да он огромный. И ему надо полтора парковочных места. Вот мой опель...

– Во-первых, я тоже не маленький, – перебил Боря. – И мне надо полтора твоих опеля. А во-вторых, я обещал пустить тебя за руль, если устану. Но в моей машине устать невозможно. Ты просто еще не попробовала ее водить!

И Боря, со значением посмотрев на меня, лихо свернул направо.

– Поняла твою мысль, – сдалась я. – Не буду дразнить мерседес икарусом. И электричкой не буду. И фурой. Ты его само как называешь?

– Машина.

– Изобретательно! Когда-нибудь спросим настоящее имя... Ой. Шаболовка.

Так весело говорили про автомобили – и вдруг приехали. Закончилось наше путешествие. И припарковать длиннющий мерседес в моем микродворе точно негде. Так что сейчас Боря меня высадит практически на ходу и уедет...

– Я поставлю машину где-нибудь поблизости и провожу тебя домой, – сказал он. – Ничего, если еще немного прогуляемся?

Лучшее в мире чувство – не любовь даже. А благодарность. За то, например, что человек не хочет прощаться наспех, ищет парковку – и повод побыть с тобой еще десять минут.

Парковка, к сожалению, нашлась быстро, в соседнем дворе. Мы с Борей шли от одной пятиэтажки к другой, как совсем недавно в Сочи. Только московские палисадники после сочинских казались лысоватыми, а в воздухе явно не хватало аромата роз.

– Что-то я к тебе уже привык, – произнес Боря подозрительно глухим голосом, когда я открыла дверь в подъезд.

Я молча обняла его, дверь захлопнулась.

Еще минут пятнадцать мы, как школьники, прощались у подъезда, потом он быстро отнес мои сумки в квартиру и ушел.

А я будто осиротела. Последняя капля сочинской радости упала на асфальт Шаболовки где-то под моим балконом и сразу высохла. Пришлось идти спать без нее.

Москва, 12 мая, Нехорошая квартира

– Бедная ты моя девочка, как он мог! – сказала сестра Антонина, и глаза у нее из синих стали серыми – от злости.

Три дня я прожила без Бори. Работала, общалась с родителями, играла с котом. Стриглась, красилась, делала маникюр. Нормальная жизнь шла – только я в ней почти не участвовала. Вроде бы занималась делами, разговаривала с людьми, но все это сквозь триста слоев воображаемой ваты.

Обычно я люблю свою работу. А тут еле высиживала положенные девять часов в нашем милом офисе на Якиманке. Каждый раз, когда кто-то из коллег приближался ко мне с намерением задать вопрос, я мысленно трансгрессировала куда подальше и мечтала о пульте, который умел бы выключать у людей звук.

Обычно я люблю своих родителей. Но в этот раз они были слишком... заметными. Особенно мешали их бесконечные «Ген!» и «Лар!» (о, эта семейная манера звать друг друга из кухни, перекрикивая телевизор и шум чайника!). И да, мама с папой тоже задавали вопросы, от которых меня укачивало, как новичка в центрифуге. Как тебе, дочечка, Сочи, понравился? А купаться можно было? А магнолии цвели? А вот в наши годы купались и цвели! А-а-а!

Обычно я люблю своего кота Зайку. Он нелепый лысый сфинкс, многое в жизни повидавший и вечно жаждущий ласки. Майские праздники Зайка провел у моих родителей, со-

скучился и теперь вел себя, словно бешеная подушка-массажер. Преследовал меня, мурлыча и вибрируя, бодал тяжелой башкой и топтал через одеяло. Когда я выгоняла из кровати – обижался и передавал в космос сигналы скорби. Утомил страшно.

Только мой парикмахер Лиля и мастер маникюра Лия вели себя тихо. Они профи: чувствуют, когда надо разговаривать с клиентом, а когда нет. Лиля лишь спросила, делать ли мне массаж головы, а Лия молча принесла успокаивающего чаю. Вот бы весь мир вел себя так же!

Массаж, однако, не помог вывести из головы тяжелые мысли, а чай особо не успокоил. Так что поговорить мне все-таки было нужно – с сестрой Антониной. Они с Гошей вернулись из Ялты поздно вечером одиннадцатого, а двенадцатого после работы я отправилась к ней на «Курскую», в Нехорошую квартиру.

– Я буду дома одна, – обещала сестра по телефону. – Приезжай, все спокойно обсудим.

Когда Антонина (в синей футболке и оттого необычайно синеглазая) открыла дверь, оказалось, что в квартире, кроме нее, находится еще пять человек и один попугай.

– Тр-ри тысячи чер-ртей! – подсчитал попугай, спикировав мне на плечо. Вообще-то он так здороваётся, дурень серый.

Попугая сестра Антонина подобрала однажды на улице и

оставила у себя. Зовут его Исаич, по национальности он жакко, по убеждениям – фрондер, диссидент и совесть компании.

– Теперь ты точно пират, – похвалила меня сестра. – И глаз какой надо, и попугай. Проходи на кухню и не бойся, все уже уходит.

Кое-кто из «всех» действительно обувался в прихожей. Илюха, шестнадцатилетний двоюродный брат Антонины, существо мрачное, длинное и музыкально одаренное, не спеша зашнуровывало кроссовки одной рукой, а второй придерживало чехол с электрогитарой.

– Помочь? – спросила я. Он взглянул оценивающе и молча разрешил: так и быть, тетя, доверяю тебе ценный груз.

В прихожей появились Антонинин бойфренд Гоша, тоже с гитарой, и его отец Горан. Тут пора уточнить, что настоящее имя Гоши – Гойко, фамилия – Петрович, и он наполовину серб. Папа его обычно живет в Белграде, а последние несколько месяцев – в Нехорошей квартире. Горан – переводчик с японского на сербский, знает несколько языков, но вот по-русски не говорит. Мы давно привыкли к этому феномену и нам это не мешает общаться, тем более что господин Петрович – человек легкий, добрый и располагающий к себе.

– Жозефина, дорогая, выглядишь чудесно! – воскликнул Горан по-английски и в доказательство трижды меня расцеловал.

– Спасибо, – смутилась я. – А вы куда?

– В клуб, – ответил Гоша. Он работает в клубе «22.20» и живет рядом, в одном доме с Борей, этажом выше. – Подождем после концерта, потом папа у меня ночевать останется, а Илюху мы домой завезем.

– Илюха, кстати, вас уже полчаса тут ждет, – пробасил подросток из угла.

– Тебе предстоит ехать на заднем сиденье мустанга с двумя гитарами, – напомнил Гоша. – Так что особенно не спеши и готовься: следующие полчаса мы будем вас туда засовывать.

– О, мустанг починили! – обрадовалась я.

– Ну да, мы же на нем вчера и приехали. Отличных мастеров Риббентроп нашел.

– О боже, теперь они будут говорить о машинах, – закатил глаза Илюха.

– Дорогой, кажется, тебе не хватает кислорода, – миролюбиво сказал Горан. – Пойдем подышим прекрасным майским воздухом!

Илюха с Гораном и гитарами отбыли дышать дождями и туманами, а сестра Антонина пришла провожать Гошу. Я сбежала на кухню, преследуемая попугаем.

На кухне две женщины мыли посуду. Я их обеих знаю плохо, зато с лучшей стороны. Они работают в детском центре «Бурато», куда ходит Антонинин сын Кузя, а место это хорошее. Высокая женщина постарше – Марина Игоревна, ди-

ректор и главный режиссер «Бурато», миниатюрная и помоложе – Лена, администратор.

– Добрый вечер! – сердечно кивнула мне Марина Игоревна.

– Извините, – вскочила Лена. – Мне пора. Я засиделась, а ехать еще, муж и так будет расстроен.

И сунула мне до блеска отмытую чашку.

Про Лениного мужа мне известно одно: это он когда-то выгнал попугая Исаича из дома. Больше, в общем, и знать не обязательно. А сама Лена вроде ничего, симпатичная, похожая на мультяшного ежика, только людей боится и себя стесняется.

– Леночка, а давай я тебя отвезу! – предложила Марина Игоревна голосом доброй учительницы. – Я на машине, спешить мне некуда.

– Что вы, спасибо, – лепетала Лена. – Зачем вам в Балашиху. Вам или кому-либо еще...

– Я на «Щелковской» живу, – возразила Марина Игоревна. – Это рядом. Поехали!

Вернулась Антонина, предложила гостям, только что вымывшим чашки, чаю.

– Спасибо, – улыбнулась Марина Игоревна. – Мы с Леной домой. А вам я чайник поставила. Масло так и не нашлось. Насчет картины... посмотрите?

– Конечно, обязательно посмотрим, прямо сегодня! – горячо пообещала Антонина что-то непонятное и ушла в при-

хожую на очередные проводы.

Я махнула «до свидания» женщинам из «Бурато» и осталась в кухне. Чаю заварю пока, а лучше кофе.

– Ох, извини, – сказала сестра через пять минут. – Я правда думала, буду одна. Но Илюха приехал за гитарой, а Гоша с Гораном очень долго собирались, и тут еще Марина Игоревна с Леной принесли попугаю корм, потому что Лена стесняется ходить сюда в одиночку и без повода. Странно, что мама с Леонидычем и детьми не нагрянули сегодня...

– Да ладно тебе, – я налила Антонине кофе. – В Нехорошей квартире всегда толпа.

– Сор-рок р-разбойников! – подтвердил попугай.

– Это да, – улыбнулась сестра. – Ты, кстати, масло не видела?

– Масло?

– Угу, сливочное. Я попросила Илюху купить его по дороге, собиралась печь песочное печенье. Он утверждает, что принес две пачки и мне отдал. Мы их всей компанией искали и не нашли. Чай пили в итоге с конфетами «Мишка косоплыв», оставшимися, похоже, от художника Шишкина.

Художник Шишкин – хозяин Нехорошей квартиры. Точнее, бывший хозяин, он уже умер. Это не тот Шишкин, который написал картину с мишками, а другой, но тоже хороший. Раньше он жил в этой квартире с некой любимой женщиной. Она была его неофициальной женой, к ней он ушел от официальной, из-за чего с ним разругался взрослый сын. Шиш-

кин умер, сын тоже умер, дама сердца исчезла, а Антонина сняла пустующую Нехорошую квартиру у родственников художника, своих добрых друзей. Потом чудесным образом выяснилось, что высокая Марина Игоревна из «Бурато» – это и есть та самая таинственная возлюбленная художника Шишкина. Теперь Антонина с Мариной дружит, и оставшиеся родственники художника тоже. Нехорошая квартира отлично сводит людей.

– Масло-то найдем, – пообещала я без особой уверенности. – А что Марина Игоревна говорила про картину?

– Очередная тайна художника Шишкина, – ответила сестра. – Мы искали масло, а нашли его письмо к Марине Игоревне в ящике с плоскогубцами. Он пишет, что заканчивает ее портрет. Портрет-сюрприз. Здесь, в Нехорошей квартире. Смотри!

Антонина протянула мне конверт, я достала письмо и быстро нашла нужные строчки: «Портрет этот, чую, будет моей лучшей работой. Такого Шишкина еще не видел никто! Я оставляю его тебе, Мариночка, забери его, и когда я умру, радуйся». Ну, с логикой у художника было не очень, но информация о неизвестном полотне мастера интригует.

– Когда Марина Игоревна уезжала из Нехорошей квартиры, никакого портрета не было. Ну, она не находила. Но думает, что Шишкин мог его спрятать, – объяснила Антонина. – Он к концу жизни стал немножко параноик и болел сильно.

– Может, просто не дорисовал? – предположила я. – Или выбросил?

– Может. Но Марине Игоревне хочется верить, что картина существует. Знаешь же, как она любила своего Шишкина...

– От любви одни проблемы, – вздохнула я. – И волнения.

– Бор-ря волнуется р-раз! – заорал вдруг попугай Исаич мне в ухо.

Наверное, он все-таки сказал «море». Но Антонина посмотрела на меня в упор, допила кофе и вкрадчивым голосом произнесла:

– Так. А теперь о главном. Расскажи-ка мне про Сочи.

– Сочи? Сочи хороший, – начала я скучным голосом.

– Александр-р хор-роший! – возразил попугай.

– Кто такой Александр?!

– Это он себя имеет в виду, – отмахнулась Антонина.

– С каких это пор он Александр?

– С тех же, с которых Исаич! В честь Солженицына назван. А ты не увиливай.

– Ладно. Но Сочи правда хорош, особенно весной. Даже не скажешь, что курорт, особенно если на набережную не выходить.

– А с Борей что? – Антонина отлично делала вид, будто не теряет терпения, я оценила ее актерскую игру.

– А вот с Борей – обычный курортный роман, – сдалась

я. – Увы. К настоящей жизни никакого отношения не имеющий.

Антонина сделала круглые глаза и застыла.

– Почему ты так говоришь? – произнесла она, наконец.

– Потому что это правда.

– И давно... это стало правдой?

– Я три дня думала, – я встала из-за стола и начала для убедительности ходить по кухне. – Слишком все быстро случилось. И слишком сильны чувства. Такое, знаешь, счастье высокой концентрации.

– Звучит пока не очень плохо, – осторожно заметила сестра.

– Ну представь. Вот я люблю гранатовый сок. И когда еду в какую-нибудь Грузию или Стамбул, постоянно его пью. Мне прямо кажется, вкуснее нет ничего на свете. Думаю – вернусь в Москву, буду покупать гранатовый сок в супермаркете, как я жила-то раньше без него. Но возвращаюсь – и пью воду, так же как до отпуска. Потому что гранатовый сок хорош в курортных декорациях, а дома он кажется слишком экзотическим, ярким, терпким. Противоестественным. На каждый день не годится. Или, скажем, рамбутан...

– Я поняла твою мысль, – остановила меня сестра Антонина. – Спасибо.

– Ну и вот, – закончила я презентацию.

– Ага, – безмятежно продолжила она. – Ты замечательно сейчас описала страстный роман с турецким аниматором.

Ярким и экзотическим. А теперь давай поговорим о Боре. Реальном человеке и нашем друге.

Я села молчать. Не хотелось мне говорить о реальном Боре и вообще признавать его мнимое превосходство над турецким аниматором. Антонина не торопила и не настаивала. Потихоньку, аккуратно задавала разные мелкие вопросы. И я, сама не замечая, рассказала ей всю нашу сочинскую историю, вплоть до того момента, когда Боря уехал к себе домой, а я осталась на Шаболовке без него и без капли радости.

– И что, он с тех пор пропал? – спросила сестра. – Не пишет?

– Да нет, пишет. А еще чаще звонит.

– Звонит и просто болтает? Встретиться не хочет? – раскручивала сюжет Антонина.

– Почему, хочет. Завтра вот хочет. В театр собираемся, в Большой.

– А-а. Как на вашем первом свидании?

– Ну да. И потом в тот же ресторан. Точнее, в другой, но по тому же адресу – прошлый закрылся уже. Рестораны в Москве долго не живут.

– Точно. Как и любовь... – повела бровью Антонина, – к гранатовому соку.

Сестра замолчала, начала собирать чашки и медленно складывать их в мойку, а по пути еще вытирать стол, двигать табуретки, закручивать банку с кофе, переставлять что-то на полках. Давала мне время подумать.

– Ладно, – сказала я. – Ты права. Не похож Боря на аниматора.

– Угу, – равнодушно кивнула она, задвигая бедром ящик с ножами.

– И на опереточного злодея не похож.

– Ага.

– И действительно ничего плохого не сделал. Пока.

– Так.

– Но... Это же я, сестра твоя Жозефина. Посмотри мне прямо в глаз. Если я лечу куда-то, красивая, влюбленная и любимая, то обязательно впечатаяюсь в стекло.

– Ясно, – сказала Антонина. – А каким образом из единичного случая с дверью выросла целая философия? Почему, скажи мне, ты постоянно ждешь подвоха?

И тогда я поведала сестре свою Поучительную историю.

Не сразу и не всю. Сначала я помогла Антонине навести порядок на кухне, но тут же предложила заново ее раскурочить и немного поискать секретную картину художника Шишкина. Поэтому к рассказу своему я приступила, сидя на полу у плиты и изучая содержимое духовки. Мало ли, может, Шишкин припрятал картину между противнями. А не сгорела она до сих пор, потому что портреты любимых женщин, как и рукописи, не горят – по крайней мере, в Нехорошей квартире. Антонина начала поиски с другой стороны кухни, от старого трясущегося холодильника.

– Вдруг вместо картины найдем масло, – выразила она

робкую надежду.

Попугая Исаича пришлось прогнать в клетку – иначе он рвался помогать, норовил залезть в морозилку и порадовать нас замороженной птицей.

Я выложила на пол все противни, открыла нижний ящик духовки и, поигрывая холодным оружием в виде ржавого вертела, рассказала примерно это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.